

ГАЛИНА ДИЦМАН

ЧЕРНЫЙ ПОЯС

МОСКВА 2009

ГАЛИНА ДИЦМАН

ЧЕРНЫЙ ПОЯС

*Учителю и другу
Юрию Вдовину
и его жене Ирине
с благодарностью
за пример
победы над собой,
любви и терпения*

МОСКВА 2009

*Чужих меж нами нет!
Мы все друг другу братья
Под вишнями в цвету.*

ИССА

ЧЕРНЫЙ
ПОЯС

Редактор

Ирина Степачева-Бохенек

Корректор

Елена Вилкова

Иллюстрации,

дизайн, верстка

Галина Дицман©

Москва, 2009 г.

Я даю торжественную клятву: в жизни каждого человека есть место если не подвигу, то Классическому Голливудскому сюжету. До какого-то возраста ты веришь в голливудские чудеса, но потом перестаешь. А напрасно. Жизнь более изобретательна на сюжеты и лица, чем любой выдумщик. Поэтому, как говорится в голливудских фильмах, — правду, только правду и ничего, кроме правды. Причем в третьем лице — для пущей объективности. Всякий человек может рассказывать о себе в третьем лице и обнаружить массу любопытных подробностей, которые от первого рассказать язык не повернется. Итак: история про Любовь и Черный пояс. Причудливым сплетением нитей — не нами спряденных — перекрестились эти две судьбы. И сначала я просто представляю вам главных героев, а вы или будете дальше смотреть это кино, или переключитесь на другой канал.

Итак.

«ПУТЬ»

В КАДРЕ ОН:

*Верность, справедливость
и мужество суть три природные
добродетели самурая.*

КОДЕКС САМУРАЯ

Ему скоро исполнится 27. Он красив: ослепительная голливудская улыбка, американская челюсть, умные еврейские глаза и атлетическая фигура — результат подростковых комплексов по поводу своего здоровья (но об этом позже, позже). Пишет диссертацию по экономике, женат на своей однокурснице, детьми пока не обзавелись. Работает в фирме тестя, спокойно доделывает диссер, всегда выкраивает время на тренировки по карате и уже дважды успел получить черный пояс в разных федерациях. Он вполне зрелый мастер боевых искусств, в его жизни все ясно и определено. В данный момент он ведет свою старенькую «Тойоту» по темной ноябрьской Москве — так же безупречно, как голливудские персонажи: «пяткой» руки выкручивая руль и слушая музыку. Он нашел нового сэнсея, большого мастера, но продолжает по субботам посещать своего первого учителя. Может, уже и перестал бы к нему ходить, да как-то неудобно. Интеллигентный мальчик с младенчества впитал магический смысл слова «неудобно». На улицах никого, суббота, восемь утра — нормальные люди спят. Но он ненормальный — он занимается карате. И очень-очень хочет получить очередной черный пояс в новой школе окинавского карате, из рук японца — основателя стиля. Стать настоящим самураем. А настоящий самурай всегда чтит своего первого учителя. Вот он и едет к нему в такую рань. На улицу Петровскую в спортзал, который арендует его первый сэнсей.

А ВОТ — ОНА:

*И осенью хочется жить
Этой бабочке: пьет торопливо
С хризантемы росу.*

БАСЁ

Ей 44 года. Она некрасива, ростом с 10-летнего ребенка, очень коротко стрижена, крашена в яркий цвет, на затылке хвост-косичка — ни мышонка, ни лягушка, а неведома зверушка. Двое взрослых детей, 75-летний папа и старая облезлая кошка. Никакие мужья почти двадцать лет не маячили на этом неудобном горизонте. Привыкла все делать сама. Работает в газете и зарабатывает более чем прилично. Но при этом — совок совком: джинсы, свитер, вечный подросток-травести, своей машины так и нет, а если едешь на метро — так и выглядишь «на метро». В 40 лет она поняла, что жизнь уходит, а она ничего не видела, кроме проблем с детьми да двух-трех работ одновременно, что хватит уже, хватит... И занялась сначала подводным плаванием (но об этом позже), а потом восточными единоборствами. С детства море было для нее синонимом счастья, подводное плавание — возможность узнать море изнутри. Потом занялась на работе китайской оздоровительной гимнастикой тайчи. Она все привыкла изучать досконально, к тайчи быстро добавилось айкидо, а чуть позже — карате. Через несколько месяцев спортзал в редакции закрыли на длительный ремонт. Товарищ по работе и тренировкам Миша предложил пока походить в его школу карате. Газетная жизнь — вечерняя жизнь, но сэнсей проводит занятия еще и по субботам, в восемь утра. Туда она и едет на метро среди полутора сонных пассажиров. Она связала Мишу клятвой, что встретится с ним на нужной станции, чтобы тот не вздумал проспять и оставить ее одну на первой тренировке. На улице Петровской в спортзале, который арендует его сэнсей.

И не было в то ноябрьское утро в городе двух более несхожих на первый взгляд и посторонних друг другу людей. Однако Аннушка в заоблачных сферах уже разлила гвоздичное масло...

«В жизни так бывает, как и во все не бывает», — сказал однажды Гаврила-киномеханик в заброшенной северной деревушке на реке Пинеге.

Кинемеханик знал жизнь — и видел кино... Она проходила в этой деревне практику по рисунку и проектированию после 1-го курса, а ЕМУ было тогда всего полгода...

忍

«ТЕРПЕНИЕ»

ОТКУДА У ХЛОПЦА ЯПОНСКАЯ ГРУСТЬ?

*Следует взвешивать каждое слово
и неизменно задавать себе вопрос:
правда ли то,
что собираешься сказать.*

КОДЕКС САМУРАЯ

— *Познакомьтесь, Лена — Лёня.*
— *Очень приятно.*
*«Боже, какой красивый еврей-
ский мальчик...»*
— *Очень приятно.*

Разминку в этой школе карате проводили долго, в ней обязательно присутствовали упражнения на растяжку. Один сидит на полу и тянется на шпагат, а другой ему на спину давит. Или один ногу задирает у шведской стенки, а другой кладет ногу себе на плечо и тянет вверх. Лена косилась — как бы хорошо было, если бы он оказался рядом. Но он тянул кого-то из товарищей, а ее больную спину аккуратно плющил приятель Миша. Лена свернула шею в сторону Лени и потом всю тренировку смотрела на него — или так, или через зеркало. Красив, мерзавец, девки, наверно, вешаются. Черный пояс, как и у Миши.

Леня был так любезен, что предложил после тренировки отвезти ее домой: они оказались почти соседями, жили в пяти минутах езды друг от друга. Лена, вопреки своему затрепыхавшему сердцу, решительно отказалась — метро рядом с ее домом, очень удобно. Почему отка-

залась — да подвезет и все. У него молодая жена, как рассказывал Миша, и на хрен она ему сдалась, из вежливости подвозить ее не надо, а через улицу пока переводить рановато. Воспитанный еврейский мальчик, возьми старушку и переводи ее через улицу, а домой она сама доедет как-нибудь.

Ему не пришло в голову, насколько *она* старше. Тем более в кимоно — а кимоно ей отдала приятельница, кимоно было старое и детское, в нем занималась 10-летняя девочка до того, как стала расти. Лена действительно выглядела моложе — за счет комплекции, роста и загара. Она недавно ездила нырять: осваивала новую подводную дисциплину, ныряла на задержке дыхания, сдавала какие-то нормативы. Она уже успела обзавестись корочками трех подводных федераций и наконец вступила в четвертую.

— Какие, к такой-то матери, нормативы и тренировки в 44 года? — спросит нормальный человек. И прав будет. Но есть одна причина, которую легко поймет тот, кто был хвореньким и слабеньким ребенком из интеллигентной семьи.

И Лена, и Ленья — были в детстве именно такими, до крайности болезненными и замученными всякими «нельзя».

Лена — начнем с нее, в порядке хронологии — страшно болела с младенчества, у нее был порок сердца, который впоследствии благополучно исчез. Воспаления легких и прочая дрянь преследовали ее до начала подросткового возраста. Время для занятий каким-нибудь спор-

том типа плавания или гимнастики было упущено, да и при ее физических данных кто бы ее куда взял? Книжки, взрослые книжки, живопись, рисунок, фортепьяно, стихи по ночам, олимпиады по математике. А так хотелось быть сильной, красивой и не обременять никого своими болезнями, не расстраивать маму вечными соплями и температурой. Мамы все равно от чего-то расстраиваются. Если нет двоек, а, напротив, одни пятерки — значит, есть болезни, вечные болезни и вечные больничные по уходу, а кто это любит.

И осталась у Лены нелепая мечта добиться чего-нибудь в спорте, да еще научиться делать что-то такое, чего никто не умеет. Из упрямства постоянно выступала на соревнованиях — то по бегу, то по лыжам — потому что была маленькая да шустрая и обладала нестигаемой спортивной злостью, удивительной в тщедушном тельце. И продолжалось самоистязание до третьего курса института. Выращивание двух детей в эпоху крушения социализма сделало обыденную жизнь уродливым подобием экстремального спорта: там поднять, тут успеть, тут дотащить, там добежать. И самой не болеть ради бога, и так хватает болезней и смертей в доме. Ей довелось в те же 20 с небольшим ухаживать последовательно сначала за безнадежно болевшей матерью, а потом за бабушкой. С 22 лет позвоночник Лены отказался принимать на себя ответственность за ее независимость, что было совсем некстати при отсутствии бабушек и мужа. Тогда она поклялась, что дети будут

избавлены от выноса судна. Вот и бегала наша Лена по утрам, и в бассейн ходила, и зарядку делала — и не для удовольствия, а по необходимости. Скрутила себя в бараний рог: упал-отжался. Физическая форма потребовалась, чтобы не стать инвалидом.

А потом хороший друг и любимый Учитель — руководитель спортивного отдела их редакции, живая легенда советского карате — пинком загнал ее в бассейн одного из подводных клубов. Потом он же загнал ее пинком в восточные единоборства. Понял Учитель и Сэнсей, что в невзрачной тетке — вечной травести — бьется душа несостоявшегося израильского спецназовца и надо наконец дать этой душе оперативный простор. Вопреки ее физическим данным и благодаря еврейскому упрямству Лена научилась нырять с аквалангом. Сама Лена прекрасно понимала, что ныряльщик она никакой, просто дури в голове осталось много и зарабатывает так, чтобы хватало на обучение, снаряжение и поездки.

Леня, выросший в семье тренеров и под присмотром интеллигентной бабушки, тоже был не просто хвореньким и с пороком сердца — он еще был почти слепеньким. Близорукость прогрессировала и прогрессировала. И был он тощий и бледный. Очкарик из английской школы, жуткие очки в коричневой оправе под тяжестью линз сваливаются с носа. А родители воспитывали чемпионов, своего первенца честно водили на разнообразные спортивные занятия, брали с собой с малолетства на сборы, тем бо-

лее что был он двигателью одаренным ребенком. Но из секций его рано или поздно забирали: там, где начинался большой спорт, прогрессирующая близорукость становилась непреодолимой преградой. Он перезанимался всем, чем можно. Учился хорошо, но никак не мог осуществить свою главную мечту: доказать родителям, что не только будущие чемпионы и рекордсмены, а и он сам, тихий послушный мальчик Леня, заслуживает их внимания.

Когда на развалинах советского спорта взошли и расцвели карате, ушу и остальные восточные единоборства, Леня воспрянул духом и понял, что есть еще шанс *доказать*. Для олимпийского большого спорта — поздно, а для превращения себя в голливудского героя — в самый раз.

И с тех пор таскал домой грамоты и сертификаты на русском и японском языках, и швырял к ногам отца черные пояса один за одним, и все ему было мало. И плевал на свой порок сердца, качался в тренажерном зале до изнеможения, пока не стала фигура, как у атлета с картинки в учебнике по анатомии. И плевал на свою близорукость, благо появились контактные линзы. Дрался на улицах и стоял в кумите. Никто не догадывался, сколько диоптрий за прищуренным взглядом супермена. Неизвестно даже, что ему стало важнее предъявить родителям — диплом кандидата наук или очередной пояс. Собственно, что в этой черной тряпочке такого, чтобы ради нее убиваться годами, слушать тупые подчас разговоры — ибо

разные люди попадаются среди каратистов?.. Он *доказывал* всем и себе самому, что достоин любви. И расшибался в лепешку. Думал, что иначе его любить не за что. Ты хороший — тебя любят. Если ты недостаточно хорош — тебя любить не будут.

А еще, как ни нелепо это звучит, он был полукровкой. Мучительно человеку всю жизнь застегивать молнию, расходящуюся в разные стороны. И потому мог всю ночь петь со старым другом «Черный ворон, что ты вьешься...», и пил, и гулял с мордобоем, благо здоровье позволяло, да и русская кровь требовала удалы, степной тоски, сломанных пальцев и разбитых носов. А потом еврейская половина деликатно напоминала, что надо отвезти маму, встретить папу, забрать брата из школы, съездить к одинокой тетке на дачу выкосить траву. И не было числа родственникам и знакомым, о которых он заботился. Как и Лена, он заботился обо всех, кроме себя. Полагая, что сам из себя решительно ничего не представляет и никакой заботы не заслуживает.

— Правда, что ты выступал недавно на показательных в «Московском Будокане»?

— Да, там устраивали презентацию: наш стиль молодой, мало известный в России. Мы с приятелем показывали боевую расшифровку ката, во время броска у меня из глаза выпала линза, я испугался, что она на полу свернется и не найдешь

потом. Я ее поймал и сунул за щеку. До конца показательных продержался. Только «Ки-ай» не мог громко кричать, боялся линзу выплюнуть...

— А у тебя близорукость?

— Минус девять с половиной.

— Тебе же нельзя ни бросков, ни падений!!!

— А тебе разве можно с твоим позвоночником?..

Но это все — позже, позже...

А пока они опять встречаются на тренировке через неделю. У Лены на плече огромная сумка, из которой торчат ласты. Суббота ее единственный выходной, и она занимает ее с утра до вечера, потому что дети выросли, а одинокий субботний вечер — это одинокий субботний вечер. Сначала — карате, потом — тренировка по фридайвингу в бассейне Института физкультуры. Леня смотрит на нее с ужасом и пытается придумать, как бы ее подвезти. Но ехать в РГУФК — полтора часа в один конец. Лена ездит туда на метро.

Она каждый раз надеется, что на тренировке он окажется рядом, будет помогать и показывать что-то, — и сама над собой смеется. Она давно живет на свете и знает, как далеко могут завести человека несбыточные надежды. Тем более что по части иллюзий она — профессионал в каком-то смысле. Если вообще можно в области иллюзий быть профессионалом.

Есть такие люди, которые по замыслу творца и причудам хромосомного набора вовсе не писатели, но почему-то считают себя таковыми всю жизнь. К ним относилась и Лена. В детстве и юности она исправно клепала стихи и прозу, даже иногда отправляя их в детский журнал, потом поняла, что дело глухо, писала в толстых клеенчатых тетрадях и раздавала поклонникам своих талантов. Талантов было в раннем возрасте много, как часто случается с худосочными и болезненными еврейскими вундеркиндами. Но некоторым из них везло даже в советские времена: они выигрывали олимпиады, в 14 лет поступали на мехматы и физфаки, потом эмигрировали, вывозя всю родню.

Нашей героине не повезло: она была разносторонне одарена в каких-то эфемерных областях типа рисования, музыки и рифмоплетства, хотя олимпиады по математике тоже временами выигрывала. Но при этом тоже была полукровкой. И тоже тщетно пыталась застегивать молнию, которая расходилась в разные стороны. Русская половина требовала творить, а значит — жить на разрыв аорты, пить, гулять, петь «Ой, то не вечер, то не вечер...» (сказывалась примесь донской казачьей крови). Но еврейская половина тактично вмешивалась и напоминала, что надо еще — сделать уроки, сдать экзамены, сварить суп, накормить детей, поухаживать за больной мамой или бабушкой и т. д. Русской половине требовался адреналин, поэтому в ранней молодости Лена очень тяжело покалечила биографию: социум так раскатал ее под асфальт,

что никакие эфемерности с языка больше не срывались. Она очень рано обзавелась детьми, вовремя поняла: дети — единственная возможность сделать в жизни что-то реальное. Конкретное. А не абстрактное, как звуки, образы и прочая эфемерность. В связи с социальными потрясениями и отсутствием помощи Лена очень рано стала материально ответственным лицом в семье и окончательно предпочла жизнь вымыслу.

Конечно, ее периодически швыряло в сторону Искусства с большой буквы. Один институт — Архитектурный — она не окончила. А потом случайно поступила в Литинститут на заочное отделение и окончила его, уже будучи матерью двух детей. Стала дипломированным литератором, сиречь — поэтом. Слава богу, не с большой буквы. Из обоих институтов остались хорошие друзья и разнообразные лишние знания в голове, которые иногда могли пригодиться для разгадывания кроссвордов.

Лена работала в газете, попытки сменить среду обитания не удавались. Сначала в еженедельной газете: график устраивал. Потом в ежедневной: зарработки росли пропорционально росту затрат на подрастающих детей. А потом уж и менять профессию стало поздно. Так и работала она верстальщиком-дизайнером, сдавая номера в печать. А однажды вернулась домой — как Кай и Герда в одном лице — и обнаружила, что дети-то выросли. И бывают дома регулярно только совсем уж немолодой папа и старая кошка.

Тут-то Лена призадумалась: не хватало Классического Голливудского сюжета. Она нашла в своей бесцветной жизни место подвигу: под водой, положив на это немало сил. Самооценка сдвинулась с нулевого уровня. Но показалось мало, начались занятия восточными единоборствами. Лена шла туда за адреналином. В ранней молодости она накушалась его настолько, что с тех пор обычная жизнь казалась пресной. Адреналин, получаемый при исчезновении на три дня ребенка переходного возраста или при выслушивании агональных хрипов близких родственников, вряд ли может быть сравним с адреналином, полученным при глубоководном погружении. На пятом десятке Лене захотелось адреналина в хорошем смысле: «Адреналин», «Адреналин-2»...

Внешние признаки голливудского кино уже присутствовали, а сюжета про любовь не было. Поздно? Нырлялки-броски-захваты-мае-гери — не поздно, а вот любовь — поздно? Не заслужила? Наверно... Надо в паспорт почаще заглядывать, там все написано.

Лена себя убеждала в этом слишком сильно. Постоянно. В единоборствах и подводном плавании мужчин предостаточно, многие женщины специально шли туда, чтобы найти себе пару. А Лена демонстративно не отвечала ни на какие ухаживания.

«Донна Роза, я старый солдат и не знаю слов любви» — так приблизительно она себя вела. Впасть в тяжкую зависимость от чужого взгляда или слова для нее было гораздо страшнее, чем

остаться с 30 бар воздуха на 50 метрах или неудачно упасть на татами. Но это были понты, одни дешевые понты.

На самом деле, Лена была смертельно обижена на весь мужской род за то, что отдельные попадавшие ей особи не ценили ее и обижали, каждый по-своему. В лучшем случае мужчины оставляли ей детей. Пару раз она даже ухитрилась попасть в ЗАГС — чтобы расписаться, и еще раз, через год — чтобы развестись. Возможно, обиды были справедливыми. Возможно, сама не умела выбирать. Некогда было задуматься? А может, ей не хотелось решать эту проблему? Не хотелось, потому что не умела? Она ее никак и не решала.

Лена не умела вить гнездо: дома царил бардак, который усугублялся по мере подрастания детей. Единственное женское качество, которым отличалась Лена, — привычка постоянно и много готовить. Простую незамысловатую пищу, но в промышленных объемах: дома всегда торчала куча детей, подростков, друзей, и кормить она привыкла каждого, кого видела, независимо от пола и возраста. Мужчины порой принимали это за особую заботу и попадались на крючок, но ненадолго. Накормить она могла любого — равно как и послать в известном направлении. Магическая фраза «Дверь вон там...» отскакивала от зубов, как «Кушать подано». И всякий мужчина, сидя на ее кухне, не мог отделаться от ощущения, что однажды эта фраза может быть адресована и ему. Нормальной семейной жизни у нее не было нико-

гда. Привычки с кем-то делить не только постель, но и проблемы — тоже. Как говорится, не созданы мы для блаженства.

Леня втихаря выспрашивал у общего приятеля Миши, есть ли у нее кто, а почему нет, а может... Миша особо ничего не знал и не рассказывал.

Леня перестал ходить на утренние тренировки по субботам к первому сэнсею буквально через две недели после знакомства с Леной: большие мастера не любят, когда ученики изменяют им с другими мастерами... Лена вздохнула — как всегда, о *несбыточном*. И задумалась, стоит ли ей вставать в такую рань. Спортзал на работе к тому времени отремонтировали, и если речь идет только о том, чтобы упасть и отжаться, то это можно сделать и у себя в конторе. А прекрасный принц с черным поясом на горизонте уже не появится.

Но тут хитрый Миша, пряча в бороде и усах загадочную улыбку, рассказал, что Леня ведет занятия с детьми в маленьком спортзале недалеко от Лены. Лена попросила телефон Лени и добилась от него разрешения туда прийти, когда выпадет свободный вечер. Свободный вечер выпал немедленно, Лена пришла — выпучив глаза от собственной наглости и выставив вперед челюсть от страха и упрямства. Про челюсть поясним отдельно — это не гипербола.

У нее давно были съемные зубные протезы — лет с 35. Она с молодости вцеплялась в жизнь когтями и клыками, чтобы выжить самой и вы-

растить детей. Поэтому ногти ее не ведали маникюра, а зубов не осталось вовсе. Она выдвигала вперед челюсть, прижимая съемный протез, чтобы незаметно было, и когда злилась — начинала выдвигать ее сильнее и присвистывать через пластиковое небо...

Как ни в чем не бывало, Лена пришла на тренировку, оказавшись среди детей разного возраста в маленьком зале и не сильно выделяясь среди них габаритами...

«Очень красивый еврейский мальчик», — подумала она, увидев его снова.

Детей забрали родители, Лена с Леной в пустом зале, он показывает ей захват сзади, она должна сделать бросок. Лена тупеет и ничего не соображает. Он объясняет — раз, два, три...

«С ума сошла совсем?»

Потом они неспешно умываются в коридоре. Ленья, с обнаженным торсом, что-то рассказывает. Лена смотрит на играющую мускулатуру: «Да, черт меня возьми, он мне дико нравится. Нет. Не так даже. Я его хочу. Нет, не то...»

«Да кому ты нужна с твоими вставными зубами и взрослыми детьми?»

«А мне плевать...»

Голливудский супермен поигрывает мышцей, лениво вытирается, потом всю дорогу рассказывает, какая у него прекрасная семья, как дружат его родители и родители жены, как ездят они то на дачу, то за грибами...

Лена слушает отстраненно и думает: «Что ты тут со мной стоишь полчаса на троллейбусной остановке? Уже понятно, что ты прирожденный

бабник...» И чувствует себя то неожиданно молодой, то бесконечно старой.

*«Он будет мой! Вопреки всему!
Его никто не любит на самом
деле. А его обязательно надо
любить. Сильно-сильно. Я буду
любить его как никто. Так, как
меня саму никогда не любили.
Сильнее всех!»*

Она произносит это вслух, сидя вечером на кухне с сигаретой и глядя в черную зимнюю ночь. Она тысячу раз читала про любовь молодых людей и женщин ее возраста и видела, что такие истории в жизни заканчиваются трагически. Она утверждала, что никогда себе не позволит стать героиней подобной истории: бессмысленно играть заранее проигранную партию. Она все знает — и долго курит, глядя в окно, и говорит себе снова: «Он мой!» И сама удивляется. Как будто кто-то ей диктует сверху эти слова: «Он мой, и мы обязательно будем вместе...»

*Как пояса концы — налево и направо
Расходятся сперва,
чтоб вместе их связать, —
Так мы с тобой:
Расстанемся — но, право,
Лишь для того,
чтоб встретиться опять.*

КИ-НО ТОМОНОРИ

НОГА В ИСТОРИИ БОЛЬШОГО СПОРТА

ЭТА НОГА —
У КОГО НАДО НОГА.
Э. Брагинский, Э. Рязанов,
«Берегись автомобиля»

*О этот долгий путь!
Сгущается сумрак осенний,
И — ни души кругом.*

БАСЁ

Л еня в это время неожиданно для себя оказался в полной пустоте. Не то чтобы у него что-то не складывалось конкретно — формальные признаки полного благополучия налицо. Однако работа не слишком занимает его голову и время, тестю удобно иметь его при себе в фирме. Платят немного, готовая диссертация никого не интересует. Ученый совет в институте закрылся, надо защищаться в другом месте, где своих пруд пруди. Он тупо доделывает диссер из еврейского упрямства и привычки все доводить до конца, но дальше — тишина.

Карьера в боевых искусствах — вещь крайне сомнительная, он видел многих сэнсеев и знает, как горек их хлеб и в общем убога жизнь. Однако его новый учитель оказался человеком незаурядным. Японист, журналист, писатель, единственный русский, побывавший дважды чемпионом Японии по карате... Остроумный собеседник, молодая жена, куча разных детей — персонаж из другой, яркой жизни. Леня влюблен в него, смотрит ему в рот, старается изо всех сил, встречается его из поездок, провожает в аэропорт. Он страшно старается стать любимым учеником — нет, он старается стать *любимым*. И расшибается в лепешку.

Впрочем, он так поступает всегда. Не счесть родственников и знакомых, которых он куда-то возит и откуда-то встречается. Его возраст — возраст свадеб, он исправно украшает машину розовыми лентами и развозит всех по ЗАГСам и ресторанам. К тому же он не пьет, а трезвый водитель на свадьбе — отдельный подарок.

Пока они сидят на кухне у общего друга Миши .

— Лена, вам, как всегда, соку?

— Да, спасибо.

— И вам, Леня, как всегда, соку?

— Да, спасибо.

— А почему ты не пьешь?

*— Однажды решил, что не буду.
А ты?*

— *Тожe однажды решила, что больше не буду. Только это было давно. Я уже давно на свете живу. И все же?*

— *Почему не пью? Да проблемы были.*

— *И у меня проблемы были.*

Проблемы были у обоих.

У Лени — наследственные. Он категорически не хотел быть похожим на отца в этом состоянии: отец, как многие спортсмены и тренеры, обладал железным здоровьем и мог пить ведрами. Результаты доставались старшему сыну. Леня вообще далеко не во всем хотел походить на отца: до сих пор не изжил в себе комплексы, возникающие между сыном и отцом в определенном возрасте.

А у Лены проблемы были благоприобретенные. В 90-е годы по молодости пили все подряд. Однажды она проснулась после какого-то «Амаретто» из ларька со вкусом горького миндаля во рту и не помнила, как ее зовут. Дешево отделалась, можно было и умереть, но дети-то были маленькие и никому не нужны, кроме нее. Лена отвела себя к наркологу, и тот на всю жизнь отучил ее от спиртного. Разом. Материнский долг перевесил сомнительную радость алкогольного релакса. Лене был 31 год, когда она поклялась: больше не выпьет ни грамма, — и с тех пор держала слово. При любых обстоятельствах.

Теперь они оба сидели в гостях у Миши с Любой и пили сок. И удивлялись, глядя друг на друга, тому, что так похожи...

Миша вместе с Леной ходит теперь на тренировки к новому сэнсею, писателю и чемпиону Японии.

Первое, что выясняют они вместе, — сэнсей-то ухитрился поработать с нашей Леной в одной газете. И они друг друга прекрасно помнят и хорошо друг к другу относятся. «Не мир тесен, а тропы узкие».

Миша и Леня не только ходят вместе на тренировки — они еще регулярно бьют друг другу морды у Миши дома. Мишина жена Люба потом собирает с пола обломки зубов и клочья шерсти. Леня показывает Мише секреты окинавского карате, Миша в обмен обещает раскрыть тайны айкидо и приглашает его к себе на работу, чтобы осваивать эти тайны вместе. Леня начинает ходить к ним в редакцию, благоговейно разглядывает зал, украшенный самурайскими мечами, образцами каллиграфии, миниатюрным садом камней и портретами великих мастеров.

В газете, где работают Лена с Мишей, спорткомплексом руководит один из легендарных персонажей российского карате, Леня слышал и читал о нем не единожды. И вот — пожалуйста, живая легенда ходит туда-сюда в тренировочных штанах, круглых очках, той самой шаркающей кавалерийской походкой — когда-то в кино выполнял конные трюки. И выглядит натурально как японский дедушка в голливудских боевиках, только европеец. Прихрамывает, весь перекошенный от бесчисленных травм, очки поправляет, поверх майки пояс

черный временами повязывает, руки-ноги в бинтах и накладках, нос перебит, шея от переломов перекошена. Смотрит на учеников, поптичьи сворачивая голову набок, как непобедимый боевой сокол. Перед ним благоговееют, потому что он — Мастер. Японцы шлют ему почетные черные пояса на дом на блюдечке с голубой каемочкой. И вот что удивительно: любит легендарный Воин и Мастер щуплую Ленку, обнимает ее по-отечески и называет своим другом. Они вместе ныряли с аквалангами, но потом у Мастера отвалилась очередная деталь боевого механизма и нырять ему запретили на веки вечные.

Миша с Леней тренируются вдвоем, швыряют друг друга на пол и бьют почем зря. До кучи рядом оказывается Лена, которую всякий рад поучить чему бы то ни было: ничего не умеет, уронишь — пополам развалится, как вообще живет на свете, непонятно. Они учат ее поврозь и попеременно, каждый показывает, куда повернуться и куда наступить, как при этом ручонкой-ножонкой махнуть. И смех и грех, но приятно. Их тренировки сопровождаются постоянными шутками, потом они долго сидят в кафе, пьют чай и болтают обо всем на свете.

В какой-то момент Лена просит Учителя и Сэнсея, чтобы тот разрешил достойному молодому человеку приходить на их внутренние тренировки и заниматься айкидо. Мастер хитро смотрит через круглые очки и разрешает. Теперь Лена с Леней два раза в неделю видятся вполне официально.

Итак, у обоих есть Мастер и Учитель. Оба уперты как дьяволы и готовы отжиматься до полусмерти. И оба стремительно движутся друг к другу навстречу — теперь уже не вопреки обстоятельствам, а благодаря им.

Миша замысловатым образом приглашал Лену к себе в гости отметить Масленицу. Он так загадочно улыбался и обещал сюрприз, что Лена даже провела перед зеркалом не две минуты, а десять, что для нее было нарушением протокола. Миша и его жена были своими в доску, каждый день видимся, чего наряжаться, но обещанный сюрприз? Она сразу поняла: придет Лена. С женой, блин...

Леня пришел без жены. Был скромненький, мало говорил, больше слушал. Лена смотрела на него и думала: «Ведь я точно так же веду себя в непривычной компании: мало говорю и в основном слушаю».

Очень скоро они впали в ту счастливую стадию дружеского застолья, когда можно смеяться по любому поводу. Леня достал диск с записями старых чемпионатов Японии по карате, где десять лет назад побеждал его учитель. Они смотрели диски, Лена млела, сидя рядом с ним, и думала: довезет до дому, не позовешь в гости чаю выпить, *неудобно*... зачем я ему, зачем ему мой чай... Леня вез ее домой, они болтали об общих знакомых и оба смущались. Потом она опять долго сидела и курила на ночной кухне.

И было ей не то что одиноко, а хоть волком вой...

Звонок подруги по телефону:

— Что ты делала на Масленицу?

— Была в гостях у своих товарищей по карате.

— Что делали?

— Смотрели бои прошлых лет.

— Да, Лена, к сожалению, все, что нам могут теперь предложить мужчины, — это бои прошлых лет...

Виделись они чаще и чаще. Переписывались эсэмэсками и по сети, ездили выбирать общий подарок в магазин боевых искусств — в общем, поводов было достаточно, не говоря о регулярных встречах во время тренировок. И по дороге трепались о чем угодно: о детских воспоминаниях, о родителях. Выяснили, что оба проводили раннее детство в Анапе. И что счастье — это когда каникулы, тебя привезли вечером, а утром ты выходишь на Высокий берег и видишь море.

Вместе с Мишей и его женой они пошли на курсы восточной рефлексотерапии. Всякий, кто занимается боевыми искусствами, должен уметь оказать посильную помощь и тому, кому он въехал ногой в живот, и самому себе. У каждого были застарелые травмы, проблемы с суставами, точечный массаж для этого подходил идеально. Изучали точки, писали конспекты, находили эти точки друг на друге и вдохновенно их массировали. Общей радости не было предела, Леня заезжал

за Леной всякий раз. Она беспощадно корила себя за обманчивую легкость общения и неуместное кокетство, но ничего не могла с собой поделать. Стыдилась она только самой себя.

Вскоре в спортивном приложении к газете, где работали и Миша, и Лена, появилась статья о новом стиле окинавского карате. Сосватали публикацию Миша с Леной. На обложке в выгодном ракурсе красовался Леня — вернее, его стремительная пятка, нацеленная в объектив при выполнении удара маваши-гери. Леня вошел-таки в историю большого спорта — пяткой. Они долго смеялись над этим. Пачку экземпляров гордый Леня раздал своим товарищам по тренировкам и родственникам. Лена потребовала автограф на пятке. Автограф был смущенно выдан, а журнальчик был глубоко закопан в ее секретере.

*О, проснись, проснись!
Стань товарищем моим,
Спящий мотылек!*

БАСЁ

ЕЩЕ ОДНА НОГА В ИСТОРИИ БОЛЬШОГО СПОРТА

ЭТА НОГА —
У КОГО НАДО НОГА.
Те же, там же

*Ты не думай с презрением:
«Какие мелкие семена!»
Это ведь красный перец.*

БАСЁ

Леня с удивлением обнаружил, что ждет регулярных встреч на тренировках, а еще больше, чем тренировок, ждет веселых посиделок за чаем в редакционном кафе, поездок вместе с Леной до ее дома или до редакции.

У нее были желтые от курева зубы, причем она всячески подчеркивала, что зубы давно не свои. Она совершенно не стеснялась возраста и не скрывала его, а напротив, лишний раз напоминала. Его это почему-то неприятно задевало, словно ему указывали: твое место в детском саду... У нее были желтые от курева пальцы, одева-

лась не пойми как. Стиль Лены целиком определялся цитатой из Булгакова: «Ваша фамилия, товарищ? Вы мужчина или женщина?» Лена сама часто применяла это выражение к себе... Временами его коробило от ее циничных шуток. Она была достаточно образованна, могла к месту вlepить неожиданную цитату и изящно материлась, хотя в устах женщин Ления не выносил мат абсолютно. Ей он почему-то все прощал.

Он знал, что у Лены двое взрослых детей, видел ее сына в редакции. Сын был деловит и громогласен, всего-то лет на пять моложе самого Лени. Потом увидел высокую красивую девушку — ее дочь. Оба в то время работали в газете. Рослые и взрослые дети никак не увязывались с самой Леной — маленькой и невзрачной, хотя и были похожи на нее. Ее отношения с детьми оказались настолько непривычными для Лени, что временами ему было странно слушать, как они с ней разговаривают: как с подружкой, без должного уважения. Между Леной и родителями дистанция была неизмеримо больше — и возрастная, и, главное, внутренняя.

Собственно, Лена могла судить об этом только по рассказам. Как прирожденный разведчик, она по крохам фильтровала информацию обо всем, что связано было с его жизнью. Формально в семье Лени царила полная идиллия, ничто не омрачало ее, кроме отсутствия детей. Но сразу после института детей они не завели. А теперь их жизнь приобрела какие-то привычные ровные формы, когда утром позавтракали да и разбежались, а вечером поужинали да

и спать легли. В понедельник-вторник Леня приезжал на тренировки к Лене и Мише, нехотя рассказывал о бесконечных днях рождения, именинах, свадьбах и крестинах, о перемещениях от одних родственников к другим, общих покупках или общих практических делах. Видно было, что не только Лена, а и Леня смертельно завидовал Мише и Любе.

Миша женился на женщине старше себя с двумя взрослыми детьми, которые теперь жили отдельно. Их совместная жизнь была посвящена им самим, досуг принадлежал только им двоим, и никогда им не было ни скучно, ни грустно. Они с Леной повадились случайно оказываться у Миши на кухне. Например, Леня заезжал за Леной, вез ее на тренировку, а по пути заодно заезжал за Мишей. Люба нередко по утрам спрашивала мужа:

— Ленки-Леньки придут? Кашу варить?

Люба кормила их кашей: маленькая радость для Лены, которая страшно любила, когда кормят ее, а она сидит как в гостях... И для Лени, который запросто мог сожрать все, что предложит хозяйка.

В долгих беседах за чаем или во время совместных поездок Леня исподволь пытался выяснить какие-то обстоятельства предыдущей жизни Лены, да получалось, что их и не было — просто одна всю жизнь. Лена не скрывала, что родила сына вне брака: факт констатировала, причины не называла. Потом случилось мимолетное формальное замужество и рождение дочери, более поздние романы вообще не при-

существовали в рассказах никак. Вскользь упоминала о человеке намного старше себя, с которым года два-три жила полусемейной жизнью, но разошлась в итоге. Вот и все, что из нее удалось вытянуть. И непонятно было, то ли ей никто не нравится, то ли есть какая-то глубоко законспирированная личная жизнь, то ли не нужен ей никто. Так ведь тоже бывает. Она производила абсолютно самодостаточное впечатление. Леня даже завидовал ее независимости и уверенности в себе. И не смеялся всякий раз, когда она пыталась йогурт открыть, разбрызгивая его во все стороны, а быстро научился заранее подавать ей салфетку или просто вытирать разлитый йогурт с джинсов.

Леня подарил ей книгу про своего знаменитого деда — дед был легендарным военачальником, книг о нем написано было немало. При всем своем антибольшевизме Лена с удовольствием прочла книгу, а потом спросила:

— Тут вот один человек упомянут. Мне кажется, он был каким-то моим родственником. А вам он родственник или кто?

Упомянутый персонаж принадлежал к славной плеяде разведчиков времен Зорге, коих было в изобилии в окружении Лениного деда. Леня честно признался, что видел его и знал его как дядю Яшу, а как его звали по-настоящему и кем он им доводится, точных данных нет. Видел он его в раннем детстве.

— Я спрошу свою троюродную сестру, — растерянно сказала Лена, — кажется, я тоже помню его с какого-то раннего детства: в гостях

видела и про него очень много рассказывали. А кто он нам — точно не знаю...

Судя по детским воспоминаниям, это был наверняка один и тот же человек, но был ли он родственником одной из семей или просто хорошим другом — не представлялось возможным выяснить. У людей той эпохи и той профессии было много имен и биографий.

— Комиссарская кровь, — Лена пожимала плечами, — моя бабка по материнской линии была пламенная большевичка, восстания организовывала, а ее сестра была вообще комиссаром у Буденного и подругой всяких Тухачевских и Якиров. И дядю Яшу я точно видела. Все может быть.

Оба действительно происходили из причудливого смешения кровей и судеб, ставшего реальным только в эпоху Гражданской войны. И еврейские пламенные революционеры, равно как и знаменитые воины, и прибалтийские псы-рыцари вкупе с донскими казаками, перемешавшиеся в Ленкиной родословной, начертили на их будущих линиях жизни особый знак — знак смелости, верности и презрения к обыденности.

Леня в полной мере ощутил гнет незримой славы деда, героя войны. Он с младых ногтей посещал с мамой 9 мая собрания военных товарищей деда, его последователей и учеников. Деда он знал только по рассказам, а бабушка растила его до 12 лет, и перед ней Леня благоговел. Бабушка была разведчицей, а до войны — рекордсменкой мира по парашютному спорту, ее

бронзовое изваяние в костюме парашютистки украшало одну из станций метро. Леню жрал комплекс вины и перед дедом-героем, и перед родителями — тренерами чемпионов: он не стал ни героем, ни рекордсменом. И страшно завидовал Мише и его жене Любе: они просто любили друг друга — такими, какие они есть, ничего друг другу не доказывая. И страшно завидовал Лене: она абсолютно не страдала от того, что ее никто не любит, и у нее были дети. Взрослые, умные и красивые. Впрочем, вопрос детей становился для него все болезненнее. Семейная жизнь предоставляла все меньше шансов их завести.

Лена не раз наблюдала на примерах своих давно женатых знакомых, как постепенно супруги начинают жить параллельной жизнью. И с удивлением наблюдала признаки этого расхождения в рассказах юного самурая с голливудской улыбкой. Леня нередко отвозил жену на работу даже в выходные, они почти не ездили вместе отдыхать. Со стороны Лене казалось, что не может быть прекрасный юноша столь положительным, застегнутым на все пуговицы, что наверняка он периодически заводит интрижки на стороне, но, скорее всего, ждет, когда женщина сама его позовет. Вернее, не может сказать «нет» ни одной женщине — *неудобно...*

Она была почти права. Лене доводилось изменять жене от скуки или потому, что подвернулся случай, хоть потом бывало *неудобно* и стыдно. Отношения были легки и до, и после.

Но никогда ему бы не пришло в голову ни сравнить жену с кем-то из своих пассий, ни тем более уйти от нее. Каждый раз он стеснялся измен, а иногда жена что-то чувствовала и обижалась, устраивала истерики. Но Леня был от природы настолько ласковым и заботливым, что ее слезы и сомнения тут же сходили на нет. Постепенно он привык и к тому, что они все чаще спят в разных комнатах, и к тому, что она смотрит одни фильмы, а он совсем другие, и к тому, что ее книги даже бессмысленно брать в руки. И к тому, что к своим друзьям он ходит все чаще и чаще один. Общих друзей они так и не завели. Жена постепенно закрывала между ними прозрачную дверь, а потом и он стал закрывать эту невидимую дверь все чаще и чаще.

Внешне семейная жизнь выглядела безупречно. Леню очень любили и усердно кормили родственники с обеих сторон, тестя вообще в нем души не чаял. У тестя были дочери, в Лене он видел сына, которому передаст свою фирму. Диссер, уже сделанный, лежал неммым укором, Леня не очень понимал, куда с ним соваться. А когда проблема не решается, можно считать, что ее и нет. Леня ездил на тренировки и пил чай в редакционном кафе с Леной и Мишей.

А Лена смотрела на него и думала: ну что сделать, чтобы он увидел во мне что-то особенное? И неизжитое детское желание совершить геройский подвиг наложило на осознанное желание завоевать гордое самурайское сердце.

На свои женские качества Лена никак не могла рассчитывать. Чтобы тебя любил настоя-

щий мужчина, надо быть настоящей женщиной. Ее не любил никто. Как женщина она в жизни не позиционировалась. Воистину «вы мужчина или женщина?»... Никто не сказал ей, что вырастить и выучить двух здоровых и умных детей — это самое настоящее женское дело и что она сделала его очень хорошо. Никто не поставил ей за это пятерку, а сама она искренне не считала себя ни женщиной, ни матерью. Привлечь внимание молодого и прекрасного самурая на татами — нереально, ни ступить, ни молвить не умеет. Перед Новым годом она опять приходила к нему в зал заниматься вместе с детьми, и Леня подарил ученикам по брелочку — кусочку черного пояса. Только на кусочек внимания могла рассчитывать старая облезлая Лягушонка. Придется совершать геройские подвиги под водой. Море поможет. Море не подведет. Может, тогда он заметит ее...

Судьба не замедлила откликнуться на просьбу. Надо правильно формулировать — тогда получишь то, что просишь.

Вскоре после новогодних каникул знаменитая ныряльщица Юля Петрик, у которой Лена училась фридайвингу, спросила ее во время тренировки:

— Как ты насчет подвига? Я лично две недели готовила и ела салаты, больше не могу, душа просит экстрима.

Лена подписалась на экстрим не глядя.

И примерно в то же время товарищи по техническому дайвингу пригласили ее пройти курсы, которые собирался проводить знаме-

нитый американец-глубоководник. Круче него никого в мире не было. Лена и ее друзья оказались среди немногих избранных русских, которым предложили у него поучиться. Исследования американцев финансировали НАСА и Пентагон, которые во что попало денег не вкладывают, качество гарантировалось. На курсах надо было сдавать физические нормативы, Миша радостно предложил ей помощь в подготовке, вспомнив свой армейский опыт. Лена тоже внес свою лепту, и отжималась бедная Лена вдвое больше, не говоря уже о том, что и в бассейне тренировалась до помрачения рассудка.

Через три месяца Лена объявила:

— В жизни наконец образовалось место для подвига. Группа безбашенных фридайверов во главе с Юлей Петрик скоро едет в Заполярье нырять на задержке дыхания под лед. Впервые в мире. А потом у меня по графику сразу американец с Пентагоном и НАСА на Красном море... — и мило улыбнулась, как будто речь шла о посещении солярия сразу после косметолога.

Стоял март, на удивление холодный, Миша позвонил ему вечером и сказал:

— Лена сегодня уезжает в Заполярье нырять, неужто мы позволим ей поехать на такси?

Леня, миллион раз отвозивший куда угодно миллион малознакомых людей, подпрыгнул с дивана и полуодетый влез в машину. Лена с огромной сумкой стояла на улице рядом с домом, около нее приотпывал ногами замерзший Миша — он тоже приехал проводить.

Леня посмотрел на маленькую фигурку, пропавшую без вести в толстом пуховике, и ему стало страшновато. Он не мог себе в этом признаться. Глупо волноваться за взрослую самостоятельную тетку, которую никто не заставляет в такой холод ехать за Полярный круг нырять под лед Белого моря, да еще за собственные деньги.

У входа в вокзал Леня перехватил на плече огромную сумку и открыл перед Леной стеклянную вращающуюся дверь. Сумка зацепилась за что-то ручкой, он оглянулся — Лена держалась за скулу и растерянно улыбалась:

— Если бы на пару сантиметров ниже попал — мы бы поехали не в Заполярье, а в челюстно-лицевую хирургию...

Леня похолодел от ужаса. Но вроде скула была цела.

На вокзале они увидели разношерстную группу тех самых безбашенных нырятьщиков, которые радостно приветствовали Лену, он засмущался и собрался откланяться и уйти, уводя с собой Мишу. Ему почему-то стало обидно, что эти люди будут с ней общаться на равных, а они тут стоят как не пойми кто. Но Лена отвела его в сторону и сказала:

— Спасибо тебе, что проводил. Вот, возьми диск. Может, тебе понравится. Если помнишь, я говорила, что писала стихи, вообще я пишу песни. Не понравится — не слушай, они на любителя, — и протянула ему коробочку с диском.

Миша усмехался в усы и бороду: он думал, что вряд ли юный самурай с американской че-

люстью так же оценит ее стихи, как он сам, дипломированный филолог и вообще человек с развитым литературным вкусом. Леня не производил впечатление человека, склонного к поэзии. Но самурай не дрогнув взял диск и слегка поклонился в знак признательности.

Лена помахала им рукой и отбыла в Заполярье, из которого нельзя было ни позвонить, ни написать.

На связь она вышла через неделю, уже сидя в поезде: все у них было зашибись, никто в мире так никогда не нырял, а скула болела каждый раз, когда Лена просовывала голову в горловину гидрокостюма. В течение суток пути они переписывались, а ранним весенним утром Леня с Мишей встречали ее на вокзале.

Вылезая из машины, Лена сказала:

— Сейчас приду, выну толстый гидрокостюм, достану тонкий, выну пуховик, положу шорты, сложу свои аквалангические девайсы и ночью улечу на Красное море, на курсы к американцу. По времени две поездки наложились так, что еле-еле успею собраться. В американской федерации запрещено курить. Под страхом исключения и невозврата денег. Не знаю, как справлюсь, надо накуриться за сегодня на неделю вперед.

— Ты сейчас спать будешь? Или собираться? Или курить весь день без продыху? — поинтересовался Миша.

Лена подумала секунд пять:

— Думаю, я буду отмывать плитку, которую за неделю наверняка засрали мои домашние. И унитаза чистить...

Потом подняла на них глаза и поняла, что ляпнула глупость, понизив на порядок градус собственного героизма и суровой мужской дружбы.

— Буду собирать снаряжение. Спасибо, мальчики! Пожелайте мне удачи!

Они с Мишей ждали ее всю неделю. Писали эсэмэски. Поддерживали морально — на курсе у американца приходилось несладко. Не зря Лена под их руководством два месяца кишки на кулак наматывала. Во время сдачи нормативов пришла к финишу второй, опередив 18 бравых, коротко стриженных хлопцев с военной выправкой из разных стран. А на задержке дыхания, естественно, ныряла лучше всех.

И вот она приехала, загорелая и похудевшая, и курила по три сигареты подряд, сидя с ними в кафе и рассказывая свои впечатления. И резво выпаливала:

— Йес, сэр! — на любое обращение.

Играла в Деми Мур, которая играла солдата Джейн. Такой она нравилась ему еще больше, особенно теперь — когда он знал, что у нее внутри.

Они ехали в машине после тренировки, Лена наконец раскололся, что ему понравились песни. Он долго не решался послушать диск — всегда страшно, когда ждешь чего-то и ожидания тебя обманывают. Потом начал слушать — и слушал всю неделю. Совсем другой человек проступал в примитивном гитарном переборе, любительском вокале и стихах.

Лена ответила:

— Спасибо. Не ожидала...

Она решила, что дело не в качестве песен, а в том, что, скорее всего, раньше Леня живьем никаких бардов не видал, среда обитания была другой. Остаток пути провели молча, сильно смущаясь. Как будто она рассказала ему интимную тайну. В какой-то степени так и было: стихи — дело интимное.

Поездка на Белое море, в которой участвовала Лена, имела неожиданный резонанс в подводном мире. Там собрались именитые ныряльщики. Лена оказалась в одной проруби с чемпионами и рекордсменами не потому, что такая знаменитая, а потому, что «не мир тесен, а слой тонок».

Лена — обычная тетка за сорок — оказалась вдруг случайно овеяна полубезумной подводной славой и сама вообразила, что она не вполне обычная лягушонка. Не то чтобы она стала чемпионкой или рекордсменкой или именем ее назвали бы улицу. Однако фильм про уникальную нырялку показали по каналу «Экстрим-ТВ», Лена болталась в проруби рядом с большими мастерами и давала интервью. А вслед за этим дайв-центр в Хургаде, где она много раз ныряла, поместил ее фото на свой рекламный плакат. Собственно, гордились египтяне знаменитым гостем — американским глубоководником, но среди его сподвижников на плакате случайно оказалась Лена — в спарке, с регулятором в зубах. Ближайший номер главного подводного журнала вышел с ее фотографией на обложке.

Вернее, на обложке изображена была прорубь и торчащая оттуда длинная фридайверская лапа в решительном всплеске. Лапа принадлежала Лене, а прорубь — Белому морю. Таким образом, одной ногой она неожиданно вошла в историю мирового фридайвинга. «Летят самолеты — салют Мальчишу...»

Журнал со своей лапой Лена вручила обоим боевым товарищам, и Мише, и Лене, с дарственной надписью. И Леня спрятал его в секретер, поглубже.

Короче, оба они — каждый своей одной ногой — вошли в историю экзотических видов спорта. И обменялись изображениями своих ног на обложках. Как писал В. В. Маяковский, «сочтемся славою — ведь мы свои же люди». Оба не специально выпендривались друг перед другом, просто так получалось. Само по себе. Случайно.

*Не из обычных людей
Тот, кого манит
Дерево без цветов.*

ОНИЦУРА

ПЕРВАЯ ПРОВЕРКА

*Любитель цветов!
Ты стал неприметно
Работать хризантем.*

БУСОН

С только разнообразных событий вместилось в первые полгода знакомства, что оба потом не могли сообразить, когда невидимые нити стали их стягивать сильнее и сильнее. И, не сговариваясь, первой разлукой назвали ее долгую командировку в Киев.

Летом там открывался филиал их газеты. Лену, Мишу и еще десяток отборных мастеров софта, пера и верстки выслали туда налаживать процесс. В тот месяц Леня с женой переехал на дачу и жил среди цветов, пения птиц и атмосферы всеобщей благодати. Все было у них с женой хорошо, он ездил на тренировки, пил чай в редакционном кафе, но не хватало этой маленькой, неказистой, длинноносой, стриженной Лягушонки, не с кем было обсудить новости, поболтать и посплетничать.

Он впервые подумал, что хорошо бы сохранить с ней отношения — и вероятно, тогда категорически не надо думать о ней как о женщине. Сохранить дистанцию... Да она сама ее держит будь здоров, не пускает в свою жизнь, не поймешь, что у нее в голове. Впрочем, он сам был внук разведчиков и умел держать дистанцию и сохранять ровные отношения с окружающими, все его вроде

любили. Только никого не интересовало, что у него внутри. Но сохранить, быть рядом, слушать, разговаривать, за руку держать, на татами бросить. И вроде в шутку, не всерьез. А кто ей в Киеве салфетку даст, когда она йогурт на джинсы шмякнет?..

Лена впервые в жизни проводила почти месяц без детей и надоевшего быта в хорошо знакомом городе, с которым ее связывала многолетняя дружба. Бывала в гостях. Жила в съемных дорогих квартирах, завтракала и ужинала в кафе, чувствовала себя абсолютно свободной женщиной, просыпалась солнечным утром под воркование голубей на балконе — и дико тосковала от своей зависимости. Дети разъехались на разные моря, кто куда, изредка писали оттуда эсэмэски. Впервые в жизни она реально ощутила, какова долгожданная свобода матери взрослых детей. Иди куда хочешь, добрая женщина, никому ты не нужна...

По ночам пыталась представить себе, кого бы она хотела видеть рядом, кто бы вписался в ее одинокий пейзаж. Мужчин кругом было достаточно, все в командировке, все такие приятные и обаятельные — какими бывают только женатые мужчины в командировках... Но представляла себе лишь молодого самурая с голливудской улыбкой, идущего рядом с ней по влажной брусчатке ночного южного города.

Однажды поздно вечером она спускалась по своему переулку к Майдану. Площадь была освещена, как огромная сцена огромного театра. Лена словно вышла из-за кулис и оказалась на сцене, почувствовала себя героиней новой пьесы — и никак не могла признаться себе в том, что зрители

уже раскладывают программки, свет гаснет. Вот-вот на сцену выйдет ее партнер. Она не могла себе признаться в том, что такое с ней может произойти. Уже происходит. Уже произошло. *Уже.*

И она написала ему письмо по e-мэйлу, он радостно ответил, предложил встретиться в аэропорту — Лена отказалась. *Неудобно.* И так он целыми днями возит своих бесконечных родственников. Ей всегда было *неудобно* делать то, чего больше всего хочется.

Они увиделись после месяца разлуки, начали опять вместе ходить на тренировки, выбирали очередной самурайский подарок в «Будо-спорте», потом долго пили кофе в кафе... В начале бабьего лета ехали вместе в метро после тренировки — редкий случай, когда Леня оказался без машины, и Лене захотелось взять его под руку в вагоне, целоваться с ним на эскалаторе... Она отвернулась. А подняв голову, встретила такой взгляд, что чуть не пошатнулась на ступеньке. Вышли на ее станции, Лена открыла рот, чтобы позвать его пить чай, но вспомнила, что дома Леню ждет молодая жена, с которой приятнее и чаю выпить, и не только. Попрощалась сухо и ушла. А дома долго сидела, глядя на сияющую хрустальную осень за окном. «Поздно, поздно!» — кричал ей здравый смысл. Обычно она плакала только по ночам в душе — от усталости, от обиды, от обилия проблем, от того, что дети не слушаются и от того что никто не любит, кстати, тоже. А тут среди бела дня взрослая тетка сидела и плакала навзрыд. Из-за молодого прекрасного принца с черным поясом. Который об этом нисколько не догадывался.

Вслед за этим Леня пропал. Перестал ходить к ним в редакцию на тренировки, Миша ничего толком не знал. Лена понемногу пыталась себя убедить: больше ничего не будет. Она спугнула его. Принцы если и придут, то за ее дочерью, а не за ней.

Лена продолжала мрачно и упорно ходить и в бассейн, и на айкидо, и на карате, и на тайчи. Молчаливая, одинокая, челюсть вперед, тоска на душе, которую не вышибешь оттуда, сколько ни отжимайся. Одна осталась цель: доныряться до каких-нибудь глубин посерьезнее. Подвиг — альтернатива личному одиночеству. И еще лелеяла несбыточную мечту — получить однажды черный пояс. Для себя самой. *Доказать* себе самой, что может даже она — никчемная, старая, кривая-косая Лягушонка — упереться рогом и добиться всего, чего захочет. Нет, не только себе — ему доказать. Не для себя — для него хотела она добиться чего-то в карате. Да и нужен был ей не сам черный пояс, а в первую очередь — его неотразимый обладатель. Но признаться себе в этом Лена не могла. Не позволяла.

Ее занятия карате в том самом историческом спортзале на Петровской улице закончились по малоприятной причине. Сэнсей стал занимать у нее деньги, обещал вне зачета аттестацию и очередной какой-то пояс. Ей не жалко было денег — мало ли она их раздала... Но ей не нужен был ни красный, ни коричневый пояс ценной раздачи стодолларовых бумажек.

Через пару месяцев разлуки Лена набралась духу и написала Лене письмо: мол, так и так, хочу теперь заниматься карате у нашего

общего знакомого — писателя и япониста, нельзя ли посодействовать?

Леня держал паузу из последних сил, как хороший актер — сказывались занятия в театральной студии. Он понимал, что через некоторое время все из памяти сотрется, останется хорошее воспоминание о необычной взрослой тетке, которая попала на его пути. Но его грызло и жрало изнутри. Он не сознавался себе, в чем причина хандры, стал чаще ссориться с женой, завел очередную интрижку на стороне — неудачную, да и жена догадалась, пришлось вилять хвостом и мириться. Ситуация дома была слегка осложнена тем, что не были они расписаны в ЗАГСе. Это исподтишка точило тестя с тещей, и все как-то ждали от них рождения детей для стабилизации семьи. Не то чтобы торопили, а молча ждали. Неприятно, когда от тебя ждут того, чего ты не можешь сразу предъявить.

Получив письмо от Лены, Леня немедленно договорился обо всем и на следующее же утро поехал за ней, чтобы немедленно начать обучать ее секретам окинавских техник. Встал в рань несусветную, чтобы машину помыть. Лена вышла во двор и ахнула: на морозном утреннем солнце самурайская «Тойота» сияла не менее ослепительно, чем самурайская улыбка.

И когда они увиделись, то поняли, как же скучали друг по другу. Начали обмениваться новостями, тренироваться почти каждый день вместе: Леня во что бы то ни стало хотел подготовить ее к аттестации на синий пояс в декабре, приезжал к ним в редакцию как на работу, зани-

мался с ней подолгу и всерьез. И покатилося все, вроде и не было почти двух месяцев беспросветного женского отчаяния и мужского блуждания в потемках собственной непостоянной души. Невидимые нити снова натянулись и поволокли их друг к другу с еще большей силой.

Лена вскоре получила синий пояс. Леня гордился своей новой ученицей. На показательных выступлениях он ломал и крушил бетонные блоки и доски в немыслимых количествах, как лев дрался в кумите, потом отвозил Лену в какой-то ресторан, утром приехал и привез ей ее кимоно, которое она оставила в его машине. Лена дарила ему на день рождения свой рисунок в японском стиле. Ночью сидела, высунув язык от усердия, кропала перышком подобие японской графики. Лена не верила ни себе, ни в себя: «Это невозможно. Потому что невозможно никогда». И не видела выхода — хотя сама себя загнала в ситуацию, из которой выход мог быть только один.

Она попыталась пойти другим путем. Собственным. Вариант был один — очередной Геройский Подвиг. Совершаемый, как большинство подвигов, от безысходности.

*Даже в случайном разговоре самурай
не имеет права жаловаться.*

*Он должен постоянно
контролировать себя,
чтобы случайно не проронить
словечка, уличающего в слабости.*

КОДЕКС САМУРАЯ

*Твоего возвращения
Я все жду, беспокойно на сердце —
Не забудешь ли ты
Обо мне, вдруг решив сосчитать
Все песчинки на побережье?*

АКАДЗОМЭ-ЭМОН

Надеясь разрубить затягивающуюся петлю, собралась Лена на очередные подводные курсы для дайверов-технарей. Собственно говоря, курсы ей нужны были как рыбке зонтик, сертификатов и корок уже было больше, чем волос на голове. Но люди, желающие заработать на проведении курса, убедили ее, что приобретет Лена новые навыки и повысит свою подводную квалификацию, и похвалят ее потом знаменитые американцы и уж точно возьмут к себе — прямо в Пентагон и в НАСА. Игра — но захватывающая, как игры взрослых людей. Особенно — самолюбивых, одиноких и закомплексованных взрослых людей.

Человек, который проводил курс, Лене был неприятен, потому что неоднократно был ею уличен в халяве и мелком вранье. Но она считала его хорошим техническим дайвером и инструктором. Тренировки в бассейне занимали мучительную каникулярную неделю и не оставляли времени для размышлений. Ей было тяжело и одиноко, ее разрывало *несбыточное*. Хотелось

одного — под воду, глубже и еще глубже. Глубина — способ ухода от неразрешимых проблем. Не случайно среди технических дайверов так много по-настоящему одиноких людей.

Дома для Лены наступил сложный период. Сын начал ссориться с любимой девушкой, дочь переживала и тоже ссорилась с обоими, дети сходились и расходились у Лены на голове, смотреть на них было тяжело, а вмешиваться — бесполезно. Отношения двух людей — это всегда отношения двух людей.

Вспору было только крутить вентиля, считать профили погружений и ни о чем не думать. Упал-отжался... Лена тренировалась все каникулы, в конце января отбывала в Египет, поклявшись друзьям писать и звонить. К этому времени она уже твердо считала Мишу своим другом. Лена с Мишей предлагали свои услуги в качестве проводимых, но Лена гордо отказалась: ее вез в аэропорт взрослый сын, который уже месяц был за рулем.

Лена впервые в жизни боялась ехать нырять. Интуиция — великая вещь. Известно, что люди экстремальных профессий — летчики, водолазы — имеют право в последний момент отказаться от вылета (погружения и т. д.), основываясь только на интуиции. Но не поехать без видимых причин означало проявить трусость. Лена была внучкой комиссаров и пламенных большевиков и правнучкой донских казаков, и трусить ей было запаadlo. Несгибаемые предки маячили перед глазами и не позволяли отказаться от поездки.

Перед отъездом, в пятницу вечером, она написала Мише по е-мэйлу письмо. Миша в тот период работал в другом журнале, они регулярно переписывались. В письме обмолвилась, что впервые в жизни боится ехать нырять. Миша пришел на работу в понедельник, прочел письмо и немедленно отправил ей эсэмэску: «Как дела?»

«Game over, — ответила Лена, — две дырки в ноге, гипс, загораю на пляже, подаю ключи».

Миша поднял панику, стал писать, выяснять, в чем дело и что, собственно, произошло. Лена отвечала коротко, не вдаваясь в детали: упала на берегу в тяжелом снаряжении, сломала ногу в первый день, теперь в гипсе сидит на пляже и загорает. По ее эсэмэскам можно было почувствовать, что существует некий второй план, но обсуждать на расстоянии она ничего не намерена.

Леня узнал об этом почти сразу. Понял: произошло что-то не вполне обычное. И вообразил, что ее жизни напрямую что-то угрожало, хотя, собственно, в экстремальных видах спорта изначально существует доля риска.

Леня писал подбадривающие эсэмэски, на которые Лена стала отвечать опять в шутиливом тоне. Стал узнавать, встретит ли ее сын. А сын работал в день прилета и сильно опаздывал к самолету. Тогда Леня сказал Мише, что встретит ее сам. Миша — как человек взрослый, женатый и положительный — не позволил ему ехать встречать Лену одному и тоже собрался в аэропорт. Лена попросила привезти один

большой шерстяной носок, чтобы надеть на гипс. Тендер на самый большой носок выиграл Ленья — у него оказался больший размер, чем и у сына, и у Миши...

В аэропорту он увидел Ленку — маленькую, загорелую, мрачную, в синей курточке, с огромной сумкой в зубах, в гипсе. Миша обнял ее подружески, Ленья отвернулся и забрал сумку. Лена необычно сухо попрощалась с парой здоровых крепких мужиков, дайверов, с которыми она проходила вместе курс. Раньше Ленья видел ее более открытой и приветливой.

Ее загрузили на заднее сиденье, обули ногу в шерстяной носок, Лена притихла, потом попросилась остановиться и покурить. Они с Мишей поддерживали ее под руки, а Ленка, стойкий оловянный солдатик, мрачно затягивалась — и оттаивала, оттаивала, даже стала шутить и смеяться.

Подробности неудачной нырялки выяснились позже. Инструктор действительно терпеть не мог баб — вообще, в подводном плавании — тем более, в техническом подводном плавании — особенно, к тому же терпеть не мог лично Лену. За ее самодостаточность, за ироничный ум, за заработки, за возраст, которого она не скрывала, — за все по совокупности. Он завидовал ей и побаивался ее. Инструктору очень надо было пролезть в американскую федерацию. А один из главных американцев Лену залюбил на прошлых курсах. И были опасения, что пролезет Лена в американскую элитную подводную федерацию поперек него, и вообще пугалась она

под ногами и слишком много понимала. И египетские ныряльщики ее за свою держали — при всей арабской нелюбви к евреям, и мужики на курсах слушались — из-за опыта и легкого характера. Авторитет Лены в команде был непрерываемым, короче, надо было ее с дороги убирать.

Лена, с ее больным позвоночником, с трудом могла таскать на себе техническое снаряжение весом, превосходящим ее собственный. Раньше ей всегда помогали добраться до воды — и арабы, и свои. В этот раз никто не обернулся и не протянул руку. Лена отделалась переломом — правда, открытым. Ее свезли в первую попавшуюся клинику, чтобы избежать ненужной огласки, хотя дайверская страховка предполагает квалифицированную медицинскую помощь в хорошем госпитале. В клинике попросту залили дырявую, кровящую ногу йодом и положили гипс как придется. Ни столбняка, ни гангрены, к счастью, она не заработала, но в Москве пришлось заново выращивать мясо и кожу. А самое гадкое было не в переломе. Лена была дико расстроена тем, что нырялка так глупо закончилась. И переживала неудачу, считала ее своим очередным личным поражением: не смогла. *Не доказала* самой себе.

Потом узнала от доброжелателей, что инструктор еще в Москве намеренно запретил ей помогать: раз такая крутая — таскай сама свои баллоны. Тем самым сознательно обрек ее если не на гибель, то на тяжелую травму спины: зайти по каменистому берегу в воду было для нее равносильно самоубийству. И тут ее сплющило

и расколбасило. Разговоры о подводном братстве оказались ложью. Она поняла, что боялась не моря, а людей. Которые хотят тебя угробить по причинам, только им ведомым, а потом как ни в чем не бывало разговаривают с тобой и едят за одним столом.

Лена долго выбирала себе среду обитания: море было ее космосом, ее раем при жизни. Она долго выбирала людей, с которыми приятно было бы не только нырять, но и разговаривать и учиться. Даже преисполнилась какими-то амбициями и хотела стать настоящим дайвером-глубоководником, хотя и понимала, что глубины эти требуют профессионализма. Вопреки здравому смыслу упорно шла к намеченному. Теперь иллюзии рухнули. Тот, кто плыл рядом с ней, оказался расчетливым убийцей, просто хотел это сделать не своими руками. Он почти все рассчитал правильно — кроме того, что Лена занималась карате. Даже с тяжеленными баллонами она не упала, а встала в хорошую низкую стойку и сломала не шею, не спину, а всего лишь ногу.

Моральная травма вышибла ее из жизни гораздо сильнее, чем перелом. Лена живо представила себе, как ради своих амбиций в буквальном смысле слова сломала бы шею. И лежала бы 20 лет парализованная под ногами у своих детей... С карьерой технического дайвера было покончено. Судьба доходчиво объяснила амбициозной Лягушонке, что ей сюда никак не надо. Но не объяснила, куда надо... А намеков упрямая Лягушонка не понимала.

Леня приезжал в редакцию, видел, как она хромает по коридору, не понимал, почему она такая потерянная и погасшая. Потом Лена вкратце рассказала ему эту историю. А вслед за этим заявила, что, невзирая ни на какие переломы и происки недоброжелателей, все равно поедет в конце марта нырять на Белое море. Никто в мире так и не повторил их прошлогодних достижений, надо было держать марку редкого морского животного — подледного фридайвера. Она продолжала играть в Женщину-лягушку, хоть в чем-то желая остаться необыкновенной. Смириться с тем, что она — обычная тетка за сорок с ограниченными физическими возможностями, для Лены было равносильно бесславной смерти.

И стала Лена как упертая разрабатывать свою негнущуюся ногу, а оставалось на все недели три: слишком долго нарастало новое мясо и новая кожа. Леня не понимал, что ей понадобилось опять в проруби, опять боялся за нее, но видел неудержимую жажду *доказать всем и себе*. Как была ему понятна эта жажда! Когда она выдвигала вперед челюсть и закусывала губу, в ней было то же, что в нем самом закипало периодически. Он точно так же выдвигал челюсть и прикусывал губу... За три недели она разработала хромую ногу и упилила в Заполярье.

Нет нужды говорить, что Миша с Леной провозжали ее опять на вокзал, и Леня опять заехал ей в скулу ручкой от сумки — в знак того, что нырляка пройдет нормально. Не пустить туда ее

он не мог. Не имел права. Да и как можно ее куда-то не пустить? Она бы не поняла такой заботы. Да кто он ей? Тот, кто учил ее карате, тот, кто встречал ее в аэропорту с шерстяным носком. Он не знал, как назвать этот ужас, ни разу в жизни так не волновался за посторонних людей. А они еще считали друг друга посторонними. Оба еще не поняли нехитрый намек Судьбы: не надо расставаться, надо держаться вместе.

— Когда я увидела вас в аэропорту, а у тебя в руках увидела шерстяной носок, то чуть не расплакалась. Я поняла, что меня реально кто-то ждет и кому-то моя жизнь небезразлична...

— А я чуть с ума не сошел, когда узнал, что с тобой случилось...

— Мне было так плохо, я вообще не видела ни в чем смысла. Если бы не ты, я не знаю, как бы я жила...

— Если бы не ты, я не знаю, как бы я жил...

*Спрячься, как в гнездышке,
Здесь, у меня под зонтом,
Мокрая ласточка!*

НИКАНУ

КАЖДЫЙ ПИШЕТ, КАК ОН ДЫШИТ

Обладающий лишь грубой силой не достоин звания самурая. Не говоря уж о необходимости изучения наук, воин должен использовать досуг для упражнений в поэзии и постижения чайной церемонии.

КОДЕКС САМУРАЯ

Когда оба оглядывались потом назад, на эти два года, проведенные вместе и врозь одновременно, то получалось, что Леня все время Лену куда-то отвозил и откуда-то встречал. Для Лени это была своеобразная возможность выразить свое *отношение*. Они с Мишей опять встречали ее ранним утром на вокзале, слушали, как непроста оказалась поездка: как их по ошибке не встретили ночью на полустанке, как они чуть не замерзли в 30-градусный мороз. Лена гордо рассказывала, что для согревания ее спутники пили коньяк из фляжки, а сама она делала окинавские ката, которые знала.

Как Гольфстрим растопил лед раньше времени и никто рекордов не бил, а все ныряли и валяли дурака. И как ей было страшно с плохо гнущейся ногой переныривать из одной майны в другую подо льдом (майной называлась прорубь).

Они еще чаще тренировались вместе, летом предстояла очередная аттестация по карате с приездом главного японца — основателя стиля. Если раньше они официально виделись только в будни, теперь по субботам Леня тоже заезжал за ней и вез на тренировку. Они опять трепались и пили чай в редакционном кафе, и Миша чаще и пристальнее приглядывался к тому, как ведут себя эти двое. Как Леня стряхивает пылинки с ее головы, как Лена вздрагивает и замирает, как Леня вытирает ее джинсы, когда она открывает йогурт в свойственной ей радикальной манере.

Жизнь подпирала Леню со всех сторон, процесс защиты диссертации сдвинулся с мертвой точки. Он нашел институт, где ему разрешили защищаться, и отчаянно писал автореферат, издавал его, собирал отзывы, вылавливал научного руководителя — короче, проходил мучительные стадии превращения гусеницы в научную бабочку, чувствуя себя никому не нужным и глубоко несчастным.

— Как у тебя дела с диссертацией?

— «Учитель, можно, я отрублю себе палец?» — отвечал он, выдвигая вперед челюсть.

— Палец всякий себе может отрубить, а ты защитись...

На Лену странным образом подействовала история, случившаяся в Дахабе. Сидя там на берегу, с гипсом на ноге, она впервые за много лет оказалась предоставлена своим мыслям. Мысли эти завели ее столь далеко, что пришлось бедной Лягушонке заново переосмыслить всю свою никчемную жизнь. Она поняла, что могла бы тут и остаться навсегда. Конечно, доставка цинкача входила в стоимость дайверской страховки, но не об этом речь. И никто бы тогда не написал за нее ту самую Одну Книгу, которую она, как несостоявшийся литератор, все же должна была написать. Книгу про тех, кому она по гроб жизни обязана, — двух закадычных подружек, с которыми они вместе растили детей в самое неподходящее для этого время.

Подружки жили с ней в одном доме, вместе гуляли с колясками, ввиду отсутствия бабушек оказались вынужденными друг друга поддерживать и выручать, да так и стали в итоге единственными близкими родственниками для Лены и ее семьи. Об этой дружбе она много рассказывала, упоминала их как родных сестер. Вдруг выяснилось — умри она неожиданно, и никто не узнает, как на самом деле дороги ей эти две тетки.

Лена стала писать книгу, переживая заново последние 20 с лишним лет жизни. Вероятно, не только угроза глупой смерти заставила ее писать. Лене самой надо было пересмотреть свою жизнь, чтобы избавиться от ощущения очередного поражения, найти в ней то, что нельзя от-

нять — любовь и дружбу. Ничего не бывает случайно. Все дети, читая книжки, мечтают о том, о чем в них написано, — о настоящей дружбе и настоящей любви.

Она сделала книгу сама от и до, сама проиллюстрировала легкой перьевой графикой, сама сделала макет, отдала в типографию готовые к печати файлы, сама заплатила за печать. Для подружек это должен был быть сюрприз: они даже не догадывались, что станут литературными героинями.

Но Лене-то она втихаря призналась, что пишет книгу. Миша был редактором, честно отбыл дружескую повинность, десять раз прочел варианты текста, и Лена была ему признательна до дрожи — как говорится, «кому повем печаль мою?».

А еще той весной случилось знаменательное для Лены событие.

Как вскользь упоминалось, она временами писала песни, но в последние годы почти перестала играть даже для друзей. Период застольных песнопений закончился вместе с социализмом, пару раз выступала на бардовских площадках, тоже для своих — на этом бардовская карьера закончилась. Впервые за несколько лет Миша и Люба, ценители талантов и искусств, предложили устроить домашний музыкальный вечер. Лена согласилась немедленно. Еще бы: она знала, кто будет сидеть и слушать. Леня собирался ехать в гости один, потому что жена в субботу опять работала, и спросил Лену:

— Как ты поедешь?

— На такси, я свою дорожную гитару в метро не вожу.

Ровно в означенное время Ленина машина с табличкой: «Посадка до 01.00» стояла у ее подъезда.

— Такси на Дубровку заказывали?

А по дороге они вместе выбирали цветы для хозяйки дома, Лена по привычке сунулась со своим кошельком, Леня мягко отвел ее руку:

— Неужели ты, идя со мной в гости, будешь платить за цветы?..

Компания подобралась чудесная, Миша пригласил их общего приятеля — в прошлом профессионального музыканта, который виртуозно играл и пел все, что существует хорошего в мире музыки. Они чередовались, Лена пела так, как давно уж не доводилось. Потом Леня съездил за женой — и Лена постепенно ступевалась, сослалась на усталость. Ей не удалось спеть решительно ни одной песни про любовь.

А потом Леня с женой подвозили ее домой, и вся поездка прошла в таком ледяном молчании, что Лене было страшно и *неудобно*, хотя ничего плохого она еще сделать не успела.

Леня наконец послушал живьем то, что прежде слышал только на диске. Маленькая фигурка с большой гитарой так же врезалась в его мысли, как и предыдущее ее явление — с огромной сумкой, полной подводного снаряжения, среди дикого холода. Он вспомнил ее выражение:

— Маленькие женщины всегда окружают себя большими предметами. Это способ защиты. Чем меньше животное, тем более грозно оно старается выглядеть.

Для Лены спеть перед новым человеком означало приоткрыть забрало. Много лет Лягушонка выращивала броню, сквозь которую никто не мог пробиться, теперь броня стремительно таяла, таяла, и она чувствовала себя почти безоружной, но еще сопротивлялась, убеждая себя в том, что ситуация под контролем, никто не выведет ее из душевного равновесия — а равновесием и не пахло.

Лена дописывала книгу, он ждал этой книги точно так же, как и она сама, ему хотелось доковыряться до того, что было скрыто внутри нее. Он тоже не любил, когда чего-то не понимал.

Леня много времени проводил дома за компьютером, доделывая и готовя диссер к печати. Они переписывались эсэмэсками по ночам и вытаскивали друг друга на тренировки. Станным образом, по срокам все совпадало почти до недели: у Лени надвигалась сначала предзащита, потом защита. У Лены печатали тираж. А еще до кучи в то же время приезжал японец. Леня ходил невменяемый, как всякий соискатель, а Лена — невменяемая как роженица в период сильных схваток.

Одновременно подросла долгожданная новая машина для Лени. Первой, кого он повез на ней, была по странному стечению обстоятельств Лена — они вместе ехали на тре-

нировку к японцу, Леня заехал за ней прямо из ГАИ, где ставил машину на учет. Он посадил ее в новую «Тойоту» и врубил Фредди Меркьюри. Лена молча достала бутерброды и протянула Лене:

— Ты весь день провел в ГАИ, наверно, голодный...

Леня заурчал от счастья и сожрал бутерброды в один присест. Лене показалось, что он скоро будет есть с руки — но она отогнала от себя эту мысль. Мальчики всегда хотят есть. Это она знала по многолетнему опыту общения с подростками, коих без счета перебивало у нее на кухне.

А потом была аттестация, показательные выступления, на которых Леня, только что получивший 2-й дан, буквально парил в воздухе, выполняя сложнейшие ката, а Лена замирала, глядя на него, и вытирала ему пот со лба после кумите... Лена нарезала бутербродов и кормила в перерывах своих товарищей по тренировкам, а Лене оставила последний бутерброд. Один из старших мудрых товарищей шепнул ему:

— Мне кажется, Леночка к тебе равнодушна.

Леня никак не отреагировал, он ел последний бутерброд и был благодарен, как насытившийся кот.

Вечером назначен был банкет с японцами, которые, как известно, не дураки погулять на халюву в окружении преданных сподвижников. Лена решила, что на банкет пойдет в костюме

женщины. Заехала домой, постеснялась позвать Леню перекусить. Леня, шатаясь от голода, забежал домой переодеться и накормить кошку, одиноко побродил по квартире и поехал за Леной снова. Она вышла к машине в маленьком черном платье, страшно стесняясь своих незагорелых ног и вообще того, что подумает Леня, — вдруг подумает, что она хочет ему понравиться, дура старая. А Леня увидел ее в платье и решил: «Точно, хочет мне понравиться».

На банкете оба наконец наелись от пуза, впервые за день, и смущаться перестали. Леня сидел рядом с ней как будто рядом со своей девушкой, Лена млела. И собрались они было выпить кофе, удрав с банкета вдвоем, но тут позвонила жена и сказала, чтобы Леня ехал за ней на дачу. Леня стушевался, быстро отвез Лену домой — и Лена в очередной раз подумала, что ничего ей тут не светит. Но связала Леню клятвой, что как только он защитится, так немедленно позвонит.

И он действительно заезжал к ней на работу сразу после предзащиты, в костюме и галстукe, ослепительный и вздрюченный. После защиты сразу позвонил. Он понимал, что нравится ей, но никак не мог решиться. Не знал, стоит ли ему вообще решаться на это. Ни о чем не думал, просто тупо ждал.

Произошла долгожданная защита, родители были счастливы, что сын стал кандидатом наук, тeсть на радостях устроил в фирме банкет. Лена грустно подумала, что теперь Леня с женой поедет отдыхать и — прощай надежда. Но никто

никуда не поехал, Леня опустошенно смотрел по сторонам и пытался понять, как жить дальше. Его диплом кандидата экономических наук не был никому нужен, работа у тестя в фирме этого не требовала, больше вариантов развития он не видел. Жена по-прежнему пропадала на работе и ехать с ним особо никуда не хотела, судя по всему, а может, просто не получалось.

Книга Лены была издана малым тиражом и вручена литературным героиням, а также друзьям и родственникам. Лена немедленно преподнесла ему экземпляр. Когда он взял в руки книжечку, целиком написанную и сделанную ею, ему стало еще более странно — какую редкую птицу занес ветер в его окно, что с ней делать?..

Он читал и радовался: книжка была незатейливая, иногда смешная, иногда пронзительно-грустная, а главное — честная, с картинками и легко читалась. Он раздал родственникам и друзьям по экземпляру, осыпал Лену комплиментами. Ей было приятно, хотя она понимала, что комплименты можно отнести не к литературному дару автора, а к личной симпатии читателя.

На самом деле, ей было крайне важно, чтобы книгу прочли лишь несколько человек: ее две ближайшие подруги — литературные героини, их дети, а потом — Леня. Иначе она бы не смогла ему объяснить, ни как давно она живет на свете, ни почему она такая, какая есть. В книге было и одиночество, и несбывшаяся тоска по любви и плечу рядом, — а плеча не было, не было, только две подруги. Менее всего Лена хо-

тела сказать что-то подобное — она писала о дружбе. Только он мог понять, как на самом деле нужна ей любовь. Это легко читалось между строк. Леня научился читать МЕЖДУ СТРОК и ее тексты, и ее эсэмэски, и ее молчание. Эта книга означала зеленый свет тому, кто захочет быть рядом. Эта книга означала зеленый свет лично ЕМУ.

Короче, летом они обменялись своими произведениями, каждый доказал что-то сам себе — и можно было заняться тем, что откладывать далее было бессмысленно. Оба это понимали. Диссер защищен, книга издана, экзамены по карате сданы — больше никаких отмазок Судьба не принимала. Сколько ни отжимайся — все равно настанет момент, когда ты встанешь и смотришь в глаза тому, кто предназначен тебе для спарринга.

*Подует ветер — и встает волна.
Стихает ветер — и волна спадает.
Они, должно быть,
Старые друзья,
Коль так легко друг друга понимают.*

НИ-НО ЦУРАЮКИ

**ПРОГРАММА ПОДГОТОВКИ
«МОРСКИХ КОТИКОВ»**

*Не рассуждай! Направь свою
мысль на путь, который ты
предпочел, и иди!*

КОДЕКС САМУРАЯ

Эту программу Лена для смеха распечатала из интернета, когда готовилась к прохождению курса у американцев. Распечатка с программой подготовки морпехов США так и висела, приколотая над столом, у Лени на кухне.

Снедаемый сомнениями, он кинул на нее очередной взгляд — и заявил Лене, что собирается летом подтянуть свою физическую форму. Форму и впрямь надо было подтягивать — с него падали вещи, он нервничал перед защитой страшно, не ел, не пил, болел и вообще имел бледный и утомленный вид. Лена легко согласи-

лась составить ему компанию в самоистязании. Они связали друг друга первыми взаимными обязательствами: он с ней бегают — Леня раньше бегал регулярно, а она с ним плавает — для Лены бассейн был обязательным элементом жизни.

Стояло лето, самым удобным был открытый бассейн в Лужниках. Леня заезжал за ней утром, они неспешно ехали на Воробьевы горы, потом болтались где-то и пили кофе, потом он вез ее на работу. Лена не очень понимала, где при этом глаза у его жены, думала, что жене, наверно, глубоко наплевать на то, с кем проводит время ее муж, потому что она в нем абсолютно уверена. Тогда Лене не в чем себя упрекнуть, тем более что между ними нет ничего. Черт бы побрал это «ничего».

Однажды в бассейне она не выдержала, обняла его могучие плечи со словами:

— Извини, не могу смотреть спокойно... — вроде в шутку.

Леня вздрогнул и уплыл сломя голову, она опять в отчаянии подумала: «Дура старая, не хочет он тебя обнимать...»

— Помнишь, тогда, в бассейне? Мне ужасно хотелось тебя поцеловать, но на мне были плавательные очки, и я подумал: какой я в них урод, как я ее поцелую, в этих очках, ей противно будет...

— А я домой приехала и расплакалась от отчаяния. Подума-

*ла: такой прекрасный юноша,
я ему противна...*

Кто знает, сколько бы еще продолжалась эта тягомотина, но тут случилось несчастье, перевернувшее сознание обоих.

Друг Лены, Учитель и Сэнсей, потерял в авткатастрофе свою старшую дочь. Несправедливость кармического промысла была очевидной. Лена поняла, что ее так мучило, помимо невыносимого и бесполезного сострадания: ничего нельзя откладывать на потом. «Потом» может не быть. Надо все делать сейчас.

Это она и сказала Лене, когда на следующий день они мрачно ехали на Воробьевы горы, чтобы там бегать свои 7 км. Лене было плохо и от бессонной ночи, и от горестных мыслей, она не бегала уже лет десять. Но оба упрямо бежали под жарким солнцем вдоль набережной, Леня подбадривал ее, а Лена думала: вот сейчас упаду под первым кустом, и он поймет, какая я старая кляча. Она пробежала 7 км и не упала под кустом.

Через день они снова поехали в Лужники. Шел теплый летний ливень, сильный и ровный. Они бежали вдоль сморщенной серой реки, Леня пересказывал ей фильм про любовь, виденный накануне. Лена бежала в тонком белом спортивном костюме, вся насквозь мокрая, облепленная им как полупрозрачной пленкой, и Леня ничего не соображал, видя только ее быстрое тело в изломах белой синтетической ткани. Когда он привез ее домой, Лена сказала:

— Спасибо. За бег под дождем. Как в кино...

И не в первый раз показалось Лене, что она снимается в каком-то голливудском фильме, где главные герои непременно бегут под дождем и целуются под деревом, только вот под деревом никто не целовался.

Как бы то ни было, программу подготовки «морских котиков» за шесть недель они выполнили. Непонятно было, к чему они готовились. Вернее, оба делали вид, что им непонятно.

— Помнишь, как мы бегали первый раз? Я так боялась, что не пробегу 7 км, упаду где-нибудь, и ты поймешь, какая я уже старая.

— Да что ты! Да при чем здесь километры? Разве это имеет значение? Глупая моя Лягушонка...

Учитель и Сэнсей занялся единственным, что могло отвлечь его от постоянной боли: иайдо — японским искусством боя на мечах, основанным на мгновенном извлечении катаны из ножен и мгновенном нанесении удара. Он немедленно нашел кузнеца, ковавшего клинки по японской технологии, мановением руки вынудил верных учеников принести кучу денег за эти мечи — и Леня не успел опомниться, как уже получил свой настоящий самурайский меч. Излишне говорить, что первым человеком, к которому он побежал хвастаться, была Лена.

Она, как всегда, сидела за компьютером и ковырялась в верстке очередного журнала, Леня подкрался сбоку, высунул голову из-за ее

плеча и достал меч. Меч пах гвоздичным маслом — волшебный запах нового клинка, который ни с чем нельзя сравнить. Леня понимал, что из оруженосцев его перевели в рыцари. Ему сносило крышу и от запаха оружия, и от Лениного присутствия, и от Лениного отсутствия, и от всего, что ее окружало. И он выразил это в афористичной манере голливудских персонажей:

— Твой Сэнсей — великий реформатор судеб...

А вечером написал ей:

— Есть первая жертва. Люстра.

Лена не понимала, что их останавливает. Вернее, что останавливает ее. Его могла остановить разница в возрасте. «Ты не нужна ему...» — говорила она себе в отчаянии по ночам. Потом наступало утро, ей звонил Леня, сажал в машину и вез — бегать, плавать, пить кофе, работать, выбирать подарок, не важно куда. Они сначала встречались, а уж потом выясняли, куда, собственно, ехать и что брать с собой — тапочки для бассейна, кроссовки для бега или кимоно. В машине гремели Queen — предупредительный Леня исподволь выяснил ее музыкальные пристрастия, по случайности они во многом совпадали с его собственными. Лена летела по третьему кольцу под волшебный вокал Фредди Меркьюри и ощущала себя голливудской героиней. Из окна его машины жизнь выглядела иначе. Но потом спохватывалась — просто из вежливости ее возит, за компанию, от скуки... Они не расстава-

лись больше чем на два выходных, которые Леня проводил с женой и родителями. Встречались в понедельник утром, чтобы опять куда-то ехать.

Как-то они зашли позавтракать перед бассейном к ней домой, Леня с облегчением увидел, что там царит обычный легкий бардак, и обрадовался: Лена была живым человеком с обычными недостатками. Зато она кормила его, делала вкусные котлеты, угощала, с удовольствием смотрела, как он ест. Леня, не избалованный заботой, млел и ел котлеты. В какой-то момент Лена увидела: наелся, сощурился и приложился к столу головой, а рядом прикладывалась спать сытая кошка. Лена вздрогнула: «Приручила? Или он приручил ее?» И отогнала мысль прочь. Не может быть.

Потом Леня позвал ее позавтракать к себе домой, и его кошка, породистая норвежская голубая, никому не дававшаяся в руки, легко пошла к Лене и долго позволяла себя гладить, обнюхивала ее и дружила с ней. Леня тоже вздрогнул: приручил?.. Не может быть. Она из породы неприручаемых.

Лена теряла голову, но этого никто не видел. Ее дети хорошо знали маминых товарищей по тренировкам, здоровались, болтали с ними. Но им даже в голову не приходило, что между матерью и этим молодым красивым парнем что-то может быть. А вернее, им просто не приходило в голову об этом задумать. Мать жила своей активной жизнью, не скучала и не доставала их. Они воспринимали ее

почти как ровесницу и ничему не удивлялись. Нравится бегать — пусть бегают, нравится нырять — пусть ныряет, нравится драться — пусть дерется. Лена с Леной ездили встречать ее дочь в аэропорт рано утром — дочь даже не удивилась, все уже привыкли к тому, что эти двое проводят свободное время вместе.

Лена понимала, что сколько веревочке ни виться — а деваться им обоим друг от друга некуда. Не могла собраться с духом. Ей было смертельно страшно — вдруг она для него просто друг, хороший товарищ по развлечениям и все? Еще одного поражения в личной жизни, отягощенного разницей в возрасте, она бы не вынесла.

Исподволь ее еще мучило то, что разница между ней и Леной была ровно такой же, как в ее давнем романе с известным художником — только тогда он был старше Лены на 17 лет. И она хорошо помнила, как скучно ей бывало с его ровесниками, как не могла она с ним ни поплавать, ни погулять, ни рвануть куда-то неожиданно. Тот человек отнимал у нее очень много сил болезнями, хроническим пьянством и классическими выходками русского пьющего гения. Теперь она старалась не думать и не сравнивать одно с другим. Но проклятая разница в возрасте не давала радоваться и останавливала от решительных действий. А время это наступало неотвратимо. И Судьба вторично намекнула Лене со всей неотвратимостью: ничего нельзя откладывать на потом.

Близкая подружка Ольга забежала к Лене утром, после похода в стоматологическую клинику в соседнем доме — перекусить и отсидеться. Увидела на кухне сытого Леню, потом спросила:

— Какой чудесный парень. У вас с ним все хорошо?

Лена растерялась, стала оправдываться: мы просто вместе карате занимаемся, бегаем, плаваем... Неужели ты думаешь?.. Интеллигентная до мозга костей, щепетильная до мармелада Ольга выслушала ее, еще раз уточнила :

— Ты хочешь сказать, что между вами ничего нет?

— Ничего!

— По-моему, ты ведешь себя как б... — резюмировала Ольга, — так нельзя.

Лена меняла в квартире окна, сидела в разоренном доме, Леня приезжал ее кормить, привозил еду. Они сидели рядом на диване и ели фастфуд, привезенный Леной, он хрустел мускулатурой, и ей сносило чердак только от одного движения его плеч.

Лена поехала на работу, вошла в вагон, с затуманенным взором, вспоминая о нем, — и в этот момент у нее случился аллергический отек гортани. Пригодились навыки задержки дыхания — она не дышала почти весь перегон от станции до станции, выкатилась на перрон, давась и кашляя до судорог, еле доползла до работы. Доползла до Сэнсея, чтобы пожаловаться — и получила от него телефон лучшего пуль-

монолог, а вдобавок — меч, втихаря заказанный у кузнеца для любимой ученицы, специально выкованный под ее рост и длину руки. Давясь кашлем, Лена вдохнула запах свежего клинка и гвоздичного масла.

Ясно прозвучала бетховенская тема: «Так судьба стучится в дверь». В стечении обстоятельств она услышала и предупреждение, и вызов. Другой бы отступил. Но Лена выдвинула вперед челюсть, как всегда поступала, слыша угрозы: ей достаточно было сказать «нельзя» — и она, как боевая машина, слепо шла в сторону опасности. Адреналин усилил и обострил чувства. Два самурая замерли друг против друга, клинки еще в ножнах, но поединок уже не отменить. Больше ждать она не могла.

И просто написала ему на следующий день:

— Приезжай.

Уже не объясняя зачем.

Он вошел, она наконец обняла его и сказала:

— Вы имеете право хранить молчание и не отвечать на вопросы. И каждое ваше слово может быть использовано против вас. Но я никуда вас не отпускаю, как бы вы ни сопротивлялись. А если вам потребуется адвокат, то вам его предоставят.

Но адвокат не потребовался.

Не нужно стало никуда ехать, никуда плыть, никуда бежать. Все случилось мгновенно. Оба шатались потом как пьяные. Она накормила его, проводила, у дверей шепнула:

— Не бери в голову.

И смотрела в окно, как он медленно шел к машине, покачиваясь, словно только что выпил бутылку шампанского в один присест.

На следующий день они не виделись и не переписывались, обоим было страшно до обморока: вдруг придется делать вид, что ничего не произошло? А потом он снова приехал — после тренировки, в новой рубашке, ослепительный... Когда уходил, полупьяный от пережитого, и целовал ее у двери, вдруг услышал то, чего никогда не мог бы предположить.

— Не бросай меня, — пробормотала она, уткнувшись в вырез его новой рубашки. И повторила еще тише:

— Только не бросай.

А сама потом сидела и удивлялась, как впервые язык у нее не отсох и губы не смерзлись на середине слова.

*Праздник встречи двух звезд.
Даже ночь накануне так непохожа
На обычную ночь!*

БАСЁ

愛

«ЛЮБОВЬ»

БЕЛОЕ МОРЕ. ЧАСТЬ ВТОРАЯ

*В осеннем солнце
Увидел летящее лицо твоё,
Затем хризантемы цветок.*

А. Е.

Дальше их накрыло Нечто, виденное только в кино. Они по-прежнему вместе ездили на тренировки, бегали и плавали. При этом обоих трясло, как от прикосновения к оголенному проводу, когда и больно, и продирает насквозь, и не отдернуть руку. Хрустальный солнечный сентябрь пролетел мгновенно. Оба ходили ошеломленные случившимся и ничего не соображали. У Лениной дочери случился день рождения, они ехали на рынок за цветами, Леня вдруг спохватывался, что отродясь не ходил по улицам в майке и шортах для бега. Они торопились в бассейн — он промахивался мимо знакомого поворота, а потом еще два раза подряд промахивался мимо того же поворота. В итоге они оказались не в бассейне, а на мосту через Москву-реку, где испуганно целовались, — прямо как в кино. Тогда Лена в первый раз подумала: может, для него это серьезно? Одно дело — встречаться с теткой старше себя, такой период в жизни бывает у многих молодых людей. И совсем другое дело — целоваться с ней на мосту посреди города.

Потом они стали реже ходить на тренировки и перестали бегать и плавать. Утро начиналось с того, что Леня звонил в дверь — и заканчивалось за

десять минут до того, когда кому-то из них надо было одеться и лететь на работу. Папа Лены счастливо отдыхал в Крыму, а сын Лены пропадал на работе, в командировках или в поисках единственной настоящей любви. Никто ни о чем еще не догадывался, кроме Лениной дочери. И эти двое, ошалевшие от того, что с ними происходит, так и провели месяц, ничего не видя и не слыша.

Первой опомнилась Лена. Она сообразила, что впервые в жизни встречается с женатым человеком, отчего ей стало необыкновенно скверно. И когда он вечером уезжал от нее домой и потом полночи писал эсэмэски, ей выкручивало внутренности при мысли о том, что он лежит в постели рядом с другой женщиной — молодой и прекрасной — и ухитряется писать ей о своей любви. Она не подавала вида, полагая, что не вправе ничего ждать. И действительно, о каком принце мечтала ее вечно юная девичья душа? О прекрасном принце, с которым можно и сходить куда-то вместе, и поплавать, и пошвырять друг друга на татами, и поговорить о чем угодно, и любить друг друга со всей силой. Она просила такого принца — ей его прислали из космоса. Только он женат. Но об этом заранее никто не предупредил, и она не просила даже в мечтах неженатого принца. Просила — получи. Только она не знала, как невыносимо будет засыпать одной, а не на его плече.

А Леня вставал с утра, провожал жену на работу — к тому времени она научилась водить, отвозить ее на другой конец города не было нужды — и несся сломя голову к Лене. Парковался возле помойки в большом ветреном дворе, взлетал по ле-

стнице — даже лифта не ждал. Влетал, на ходу раздеваясь, и проваливался в жгуче-сладкий омут, из которого потом оба себя выдергивали силой. А еще он заезжал к ней на работу по поводу и без, когда она засиживалась до глубокой ночи, привозил то банку огурцов, то пиццу, и охрана признавала его почти за своего. Оба ходили с блаженными улыбками и отсутствующими взглядами, только слепой мог не заметить, что происходит между двумя этими людьми.

Леня не скрывал, что это *его* женщина. Водил ее по утрам в кафе недалеко от своего дома. На ее робкие предупреждения отвечал, что ему на все плевать. И они целовались посреди улицы буквально под окнами его дома — да где они только не целовались. Лену это тревожило: по ее мнению, нельзя так открыто встречаться с одной женщиной, если ты связан обязательствами с другой. Но она молчала — боялась спугнуть чудо.

Дома у Лены никто не успел опомниться, как Ленька оказался везде.

Сначала дочь встретила их роман крайне настороженно, долго выясняла у Лены, водит ли ее Леня куда-то, платит ли он за нее и проч. Очень боялась дочь за ее хрупкую душу.

Лена была абсолютно лишена какой-либо жадности от природы, не было среди ее друзей и знакомых человека, который хоть раз бы не взял у нее взаймы. Она выручала всех и всегда, раздавала деньги людям, которые жили заведомо беднее, давала большие суммы, которые потом ей отдавали не в срок или не отдавали вообще. Но годы лишений и безденежья выработали в ней очень

пристальное отношение к финансовому вопросу. Если человек на ее глазах позволял себе халяву, она против воли начинала относиться к нему брезгливо. Ей самой халява не выпадала никогда. Она за все привыкла платить сама, за ошибки, незнание людей и человеческие просчеты тоже платила сама. И, как могла, передала подобное ощущение детям. Да и мужчины, встречавшиеся прежде на жизненном пути, не баловали Лену щедростью. Поэтому дочь так подробно выпрашивала: а тратит ли он на тебя деньги?

Лена продержалась не больше трех недель. Потом ее сожрали порядочность и принципы, которые были никому не нужны, кроме нее самой. В основе ее принципов лежал эгоистический страх опять испытать боль и опять остаться одной. Раз это все равно должно кончиться — пусть кончится сейчас. В присущей ей радикальной манере Лена решила прекратить связь. Она ничего не соображала и взяла неделю отпуска именно на свой день рождения — чтобы не встречать его одной, без Лени. Домой за праздничный стол она его одного позвать не может, а с женой — увольте. Сейчас еще что-то можно остановить малой кровью.

Ничего нельзя было уже остановить, никакой кровью, но она договорилась о внеплановой поездке на Белое море, в гордом одиночестве. На базе в Заполярье был пересменок между летними и зимними нырялками, ее обещали встречать и развлекать как королеву.

Сын в то время уже встретил свою единственную и неповторимую и улетел с ней на неделю в Сочи. Поэтому на вокзал ее отвозили Леня с Ми-

шей, по традиции Леня символически заехал ей по скуле, Миша старательно делал вид, что ничего не замечает. Лена никогда не ездила нырять совсем одна, и мысль о том, что в свой день рождения она будет украшать своими лапами пустынное побережье Нильмской губы, приводила ее в изумление. Но куда только ни побежишь, если некуда бежать.

Уже у входа в вагон они целовались пересохшими губами, не стесняясь Миши, в последний момент Леня спросил: а где остальные-то? Лена объяснила, что уезжает одна. Ему некогда было задуматься, да и нечем было думать. Она помахала рукой и пошла сразу в тамбур — курить, плакать и кусать губы; она бесповоротно и окончательно уезжала на неделю, чтобы больше с ним не встречаться никогда.

«Никогда» продолжалось минут сорок, Леня засыпал ее эсэмэсками, Лена ответила:

— Я уехала, чтобы это прекратить.

— Спасибо, что хоть сказала, — прочла она, заливаясь слезами, в тамбуре.

После чего они не писали друг другу минут пять, потом... потом у нее кончились деньги на телефонном счете еще на полпути к Мурманску.

Она действительно впервые оказалась одна на пустой базе в Заполярье. Стояло северное бабье лето, полное ярких красок, которых никогда не встретишь в средней полосе. Лена подолгу ныряла в обжигающей воде — впрочем, по сравнению с мартом вода была теплой, аж +2...+4. Ее увозили на дальние скалы, она вылезала после нырялки, пила чай из термоса, лениво болтала с мотористом и смотрела на то, как подступает при-

лив, скрывая полосу водорослей на крупной гальке. Северная осень была необычно яркой, не давала ощущения безмятежной печали. Все было впервые и не так, как она могла предположить. Ныряла, вылезала из воды, стаскивала толстые трехпалые перчатки и тыкала замерзшими пальцами в кнопки телефона. На базе сеть появлялась в двух местах: на причале и под сосной у большого валуна. Вот туда она и бегала каждые десять минут, в перерывах между нырялкой, едой и сном. Тогда она впервые увидела слово *люблю* на дисплее телефона. Сделала вид, что не заметила. И сама написала — впервые, наверно, в жизни: *«Я не могу без тебя»*. Это была суцая правда.

Леня ходил с таким лицом, что коллеги спрашивали его: «У вас кто-то умер?» Он тупо выполнял то, что от него требовали окружающие: отвозил, привозил, функционировал, как заведенный, на работе у тестя — но жил от эсэмэски до эсэмэски. Он писал ей: «Я понял, что очень удобен для всех...» А Лена переводила это на другой язык и слышала признак надвигающейся бури. Но не могла поверить.

А он присылал ей смешные стихи, рассказывал новости. Мишиной жене Любе должны делать сложную операцию, и они будут сдавать кровь. Он был готов отдать и кровь и себя всего раздать без остатка. Просил, заклинал: «Только вернись, только чтобы с тобой ничего не случилось!»

Лена отвечала: «Что со мной случится? Здесь нет никого, а моря я не боюсь, тут хорошо и красиво, только тебя не хватает... Как бы я хотела побывать тут с тобой вместе...»

Ночью накануне своего дня рождения, в свете северного полнолуния, заливающего море и небо, Лена вышла к заливу, встала лицом к лунной дорожке и поклялась страшной языческой клятвой, что никогда больше не будет одна, что будет любить его изо всех сил и будет любима. И что ее вечному одиночеству будет положен предел, здесь и сейчас.

А потом опять пошла под большую сосну, чтобы написать очередную эсэмэску и прочесть: «Люблю, жду...»

На обратном пути снова кончились деньги на телефоне. Она в жизни не наговаривала столько.

Поезд из Мурманска плелся сутки, одна из длительных стоянок случилась в Питере. Лену встречал на вокзале старый институтский друг. Они дружили семьями много лет, и в прежние времена Лена непременно бы задержалась в Питере хоть на сутки — но сейчас никак не могла нигде задерживаться, судьба волокла ее за хвост в крепкие самурайские объятия. Она в пять минут уложила краткий пересказ своей love story, друг сказал:

— Потом больно будет.

— Пусть будет! — ответила Лена. — Я на все готова.

И в ее глазах горела мрачная неукротимость еврейских пламенных революционеров и донской казачки Аксиньи.

В Москве рано утром ее встречали верные Миша и Леня. Миша спросил, садясь в машину:

— Вы сейчас куда?

— Домой, — отвечал Леня, сворачивая к ее дому.

И даже не заметил оговорки по Фрейду. Миша тактично промолчал.

— *Сбежать от меня хотела. На Белое море... Нашла куда бежать...*

— *Никуда больше не сбегу.*

— *Я люблю тебя...*

— *Я люблю тебя...*

Она написала эти слова — пальцами на его могучей груди. Вслух сказать не смогла — считала, что пока не имеет на это права.

Время слепилось в один интервал между поздней ночью и ранним утром. Поздно ночью Леня уезжал к себе, а рано утром скребся в ее дверь букетом белых хризантем. Цветы стояли повсюду. Однажды он позвонил в домофон в полшестого утра. Тут не выдержала даже Ленина дочь:

— Я все понимаю, мама, но вы взрослые люди, и вам не по пятнадцать лет. Чем ходить в гости в полшестого — не проще ли как-то?.. — и так выразительно посмотрела на Лену, что та засмеялась:

— Он женат.

— Да уж я вижу, — заметила тактичная дочь.

— Правда, они не расписаны... — ханжески добавила мать, а тактичная дочь пожала плечами.

В тот же вечер Лена попросила Леню взять ключ, чтобы не будить всех поутру трезвоном.

На следующий день Леня спросил, не надо ли ей чего-нибудь купить на рынке, — он собирался за продуктами.

Лена сказала:

— Картошки, — и засмеялась: — Есть такой тест: хочешь, чтобы от тебя ушел любовник, попроси его купить картошки.

Леня промолчал. Когда Лена вошла вечером в кухню, то не могла ступить и шагу: все было завалено пакетами с фруктами, овощами, на столе стояли цветы.

У них оставались еще мучительные выходные, в течение которых они не могли видеться. Впрочем, в ближайшую субботу Леня повез ее в бассейн, а потом открыто поехал с ней на день рождения к ее подруге. Подруга была старше, люди в гостях собрались отнюдь не молодые, знавшие Лену и ее семью много лет. Когда они увидели пару, которая начала обниматься прямо в коридоре, у женщин глаза стали круглее вдвое, а мужчины преувеличенно шумно заговорили о путях и судьбах.

Леня сидел и уплетал салаты за обе щеки, Лена не отставала от него в приеме пищи и всем видом давала понять, что так и должно быть. И от обоих во все стороны шел свет, который невозможно ни с чем спутать, и не нужно было даже вешать табличку: «Высокое напряжение».

Лена всячески предостерегала Леню от огласки, умоляла не делать резких движений и не совершать необдуманных поступков, хотя на самом деле больше всего на свете хотела только одного: засыпать и просыпаться рядом с ним.

Леня поехал к старым друзьям и рассказал все, в том числе — и про разницу в возрасте. Это был акт гражданского мужества и неповиновения. Лена поняла, что недооценила мужчину рядом с собой. И впервые в жизни не знала, как себя вести дальше. Сказать ему прямо: оставь жену и будь со мной? Но ее учили, что чужое брать нельзя. И вообще, что она ему может дать, кроме своей бес-

смысленной любви? Ее любовь непродуктивна. У них не может быть будущего. Она постоянно пыталась измерить свои чувства в каких-то рациональных единицах. И получался результат отрицательный. Старая глупая Лягушонка не знала, что любовь иррациональна по природе и не может быть для нее единиц измерения — ни джоулей, ни ампер... И какая от любви может быть польза?

А Леня не мог теперь провести без нее и выходные, и по дороге неважно куда сворачивал в ее двор, взлетал без лифта по лестнице — чтобы хоть на полчаса оказаться рядом. Он писал ей трехстишия, присылал ей стихи по интернету, занял все время и все пространство ее жизни. Он был везде и всегда, уходил в час ночи и являлся рано утром.

В то же время сын Лены снял квартиру вместе с новой девушкой. Лена растерянно сидела на кухне с Леной, а сын с друзьями вытаскивал мебель. Привычный порядок вещей дал трещину. Необратимую. Стоя на берегу Белого моря, она поклялась, что все изменится, — и ее жизнь тут же начала меняться. Слово имеет материальную силу. Привычный мир рушился и не поддавался анализу.

Не прошло и недели, как Леня объяснился с женой. Прислал поздно вечером эсэмэску:

«Я поговорил, все сказал».

«Бедные дети...»

«Я так решил. Я так хочу. Ты правда никому меня не отдашь?»

«Никому и никогда!»

А потом спросила — впервые за все время их романа: «Может, тогда ты останешься сегодня у меня?»

И он приехал к ней — с кимоно и зубной щеткой. В тот вечер Лена стирала уже два кимоно.

В тот же первый вечер он снял перед сном контактные линзы и вышел из ванной в очках с толстыми стеклами. Лена вспомнила своего сына, который в шесть лет тоже носил очки с толстыми стеклами. Ей захотелось прижать его к себе и не отпускать ни на шаг. А он отчаянно смотрел на нее и смертельно боялся: сейчас она поймет, какой слепой урод на самом деле стоит перед ней.

— У тебя зубы вставные, а у меня глаза вставные, — сказал он, улыбаясь, при этом губы у него дрожали. — Так и будем жить.

Потом пришла дочь Лены, в свою очередь увидела очки — и тоже не смолчала.

— Мама! — ворвалась она на кухню с трагическим шепотом. — Почему у него такие очки? Он что — не видит ни хрена? Ты должна что-то делать, как же так? — она привыкла, что мать решает все проблемы на свете.

Лена объяснила, что Леня уже рассматривал вопрос операции, но процент осложнений существует, и он опасается попасть в этот процент. Дочь пригорюнилась:

— Да как же это? Да что же это? А куда родители смотрели?

Лена утешала ее и думала: дочь к нему привязалась. К нему невозможно было не привязаться — более теплых и дающих людей она не видела.

И это было в первый вечер их совместной жизни.

Следующим утром они ехали забирать Мишину жену Любу из больницы. Леня настоял на

том, чтобы они заехали за Мишей домой, ему непременно надо было показать, что они не просто приехали вместе — они *вместе* приехали. И вообще они теперь — вместе. Миша открыл дверь и все понял.

— Не ожидала такого развития событий? — спросил Леня в машине. Лена не могла ничего ответить.

Но окончательно Лена капитулировала на следующий день, когда в ванной появился еще один бритвенный прибор. А потом в течение недели он перетащил к ней свои вещи, диски, кассеты, книжки и кучу девайсов, которые заполнили ее комнату.

Правда, ни засыпать, ни просыпаться рядом они по-прежнему не могли, сна не было вообще, сон не предполагался. Иногда кто-то один дремал, а другой лежал рядом и слушал второе дыхание, боясь пошевелиться. Казалось, что зашнешь — и все исчезнет. Вот они и не спали. Оба. Боялись, что чудо просто приснилось. Но чудо было — рядом. С ними. Сейчас.

*Всегда видеть тебя,
Всегда ловить твои взгляды...
Ах, вот если бы ты,
Став зеркалом этим, ждал
По утрам моего пробужденья...*
ИДЗУМИ-СИКИБУ

幸

«СЧАСТЬЕ»

ТА САМАЯ НИТОЧКА

*В лунном сиянье
Двигается к самым воротам
Гребень прилива.*

БАСЁ

Первые две недели совместной жизни пролетели в тумане от недосыпа и ощущения тотального обрушения небес на землю. Семья Лены так привыкла к постоянному присутствию Лени в доме, что легко приняла его. Однако ему самому пришлось довольно сложно.

Лена знала по рассказам, что родители Лени ухитрились вовремя приобрести квартиру в соседнем доме и переехали туда лет шесть назад вместе с младшим сыном. Леня и не жил один — почти сразу женился. Вернее, любимая девушка просто осталась у него жить. Ни формальной свадьбы, ни формального медового месяца так и не было, сошлись и познакомили родителей. Теперь она видела, как непросто ему привыкать к постоянному присутствию в доме других людей, как он изо всех сил старается, чтобы его полюбили. Он делал это инстинктивно. В начале романа они часто и много переписывались, и как-то он признался ей: «Ты — самая необыкновенная женщина в мире, а я совсем обычный парень, и скоро мне скажут: дверь вон там...»

Лена как могла пыталась его в этом разубедить. В один из первых вечеров вошла в квартиру, Леня встретил ее в коридоре, схватил в охапку и стал целовать что есть силы.

— Что? Что случилось? — едва успела она спросить.

— Люблю я тебя до смерти... — ответил Леня. — Я все ради тебя порушил, все мосты сжег. Только ты на всем белом свете... не знаю, что будет, если я тебе надоем...

Лена не знала, не умела отвечать на чувства такой силы, ей было страшно. Она не знала толком, как люди живут вместе всю жизнь, и сама смертельно боялась ему надоесть. Боялась не соответствовать столь прекрасному принцу, боялась, что чары развеются и он поймет, кто на самом деле перед ним: старая тетка со вставными зубами, неудачница, неумеха и неряха. В свои 46 лет Лягушонка не имела никакого опыта семейной жизни, но старалась: кормила, хвалила, утешала, заклеивала пластырем ссадины и синяки. Лягушонка вдруг вообразила себя Царевной-лягушкой. И хотя бы на ночь стала снимать лягушачью кожу.

Родственники Лени не сразу поняли, что он разошелся с женой. До поры до времени жена держала все в секрете, полагая очередной временной размолвкой. Вероятно, она действительно уверена была в нерушимости их союза. Леню даже как ни в чем не бывало позвали на очередное семейное празднество, куда он не пошел. Работа в фирме тещи оказывалась под вопросом. Надо было объявлять что-то семье, а Леня как остался жить у Лены, так и забегал домой лишь покормить кошку или взять что-то нужное.

Через две недели влюбленные поняли, что дальше все это скрывать невозможно. Ни в жизни, ни на татами. Тогда Леня поступил максимально

просто: он поехал к своей институтской подружке — владелице турфирмы и взял горящие путевки в Таиланд. Чтобы решить проблему разом. Оставался еще один человек, которому необходимо было во всем признаться.

Учитель и Сэнсей постоянно снабжал любимых учеников дисками, книгами, кассетами по тем или иным видам б/и. Перед отъездом в Таиланд Лена с Леной пришли в сэнсейский кабинет и молча поклонились. Он смотрел на них и ухмылялся:

— Что?

— Ну мы это... — сказали они растерянно.

— Что?

— Нам можно давать теперь один диск на двоих, — выдавил из себя Ленья.

— Благослови, батюшка, — добавила Лена, — бедных окинавских крестьян...

Сэнсей улыбнулся и благословил, подняв очки и снова водрузив их на переносицу. Учитель и Сэнсей от бога был наделен способностью видеть людей — и поэтому видеть дальше, чем остальные. У больших мастеров и больших учителей иногда проявляется дар предвидения. Учитель и Сэнсей слишком много терял в жизни и много раз балансировал на грани смерти, поэтому видел суть вещей. Кстати, он и выделял Ленку среди прочих за то, что она, при внешней эфемерности, тоже не раз балансировала на зыбкой грани и умела отличить главное от второстепенного. Он смотрел на эту пару, стоящую перед ним в кимоно, и все видел. Заранее.

Ленья не осмелился сказать жене, на кого променял ее — молодую и прекрасную 27-летнюю женщину. Сказал, что летит с дайверской компа-

нией. Жена изо всех сил рвалась его проводить, он вежливо, но твердо отказался. В аэропорт их отвозили сын Лены с девушкой. Обе пары производили одинаковое полупомешанное влюбленное впечатление, только Лена боялась: в упор не верила в то, что чудо случится.

Леня набрал с собой кучу научных книжек, дисков, Лена взяла моноласту и гидрокостюм. Один честно собирался там поработать, а другая — понырять. Оба тщетно пытались сохранить хоть какие-то внешние признаки привычного досуга. Но ни гидрокостюм, ни компьютер, ни большинство дисков, ни книги особо им негодились.

Когда рано утром они проезжали километр по движущейся дорожке громадного аэропорта Бангкока, Лене показалось, что они попали в другую вселенную. За причудливым переплетением многоуровневых конструкций через стекло виднелись пальмы, кругом слышалась разная речь, путь казался бесконечным и в итоге привел их в рай. Предыдущая жизнь заканчивалась, начиналась другая. Общая.

Лена вышла покурить в ожидании гида и автобуса, Леня остался внутри. После 10-часового перелета ее слегка зашатало от первой затяжки, и тут пришла эсэмэска: «Я тебя люблю!»

Она глянула через стекло и увидела смеющуюся счастливую рожу. Ошеломленный Леня не мог подождать и трех минут. Это был день его рождения. 29 лет.

Дальше случился тот самый медовый месяц, которого не было в жизни у обоих. Мгновенный тропический дождь, теплый-теплый океан с длинной

пологой волной — все было в новинку, но главным были они сами. Только двое. И больше никого.

Временами, одурев от любви, они выползали подкрепиться в близлежащее кафе, иногда уходили подальше, в самое гнездо разврата Паттайи. Там нашли кафе с прекрасной живой музыкой, где Леня подпевал вокалисту и сорвал голос. Он преображался на глазах. Если в первый год знакомства он выглядел человеком, застегнутым на все пуговицы, то теперь крылья сами расправлялись за его спиной. Он покупал Лене невиданные букеты, они целовались посреди ночной мостовой под деревом, напоминающим шелковицу в Анапе. Обоим казалось, что опять детство, Анапа, счастье, лето, под ногами плиточная дорожка, осыпанная темными полураздавленными ягодами. Только созвездия на небе другие.

В один из вечеров они брели вдоль пляжа, на котором отлив оставил огромную полосу водорослей. В них копошились крабы, местные мальчишки собирали их с фонариками, и вся отмель была освещена маленькими звездочками. Дошли до катеров, стоявших прямо на песке, остановились на границе воды и суши. Обнялись и стояли какое-то время молча, пока не почувствовали, что в ноги им уперлась чужая водянистая плоть. Наступал прилив, мягко, но сильно толкая их в сторону берега, вода прибывала на глазах. Начав целоваться, они стояли по щиколотку, а когда оторвались друг от друга — уже по колено. Приливная волна была теплой, ласковой и неотвратимой, устоять было невозможно. Леня на руках донес ее до берега. Оба были ошеломлены и океанской силой, с которой столкнулись впервые, и нехитрой метафорой, которую им представила Судь-

ба: это была именно волна, накрывшая обоих, и сопротивляться ей было бесполезно. Притихшие, они возвращались к набережной, откуда доносились музыка на разных языках и зазывные крики.

Леня был нарасхват, он не успевал отдирать от себя руки девушек всех сортов, Лена шла рядом с ним как телохранитель и локтем отталкивала девиц. А ему казалось, что всякий мужчина готов ее склеить. Он даже приревновал ее к какому-то русскому на яхте, когда Лена выпросила один день, чтобы понырять на островах. Руссо туристо вяло клеился к Лене, а она даже не могла предположить, что кто-то посмеет приставать к ней в присутствии возлюбленного. Возлюбленного укачало, но он мужественно выполз на бортик и так демонстративно положил руку на плечо своей женщины, что руссо туристо немедленно исчез с верхней палубы.

На острове они ушли плавать вдвоем, Лена ныряла в прозрачной зеленоватой воде, а Леня приглядывал с поверхности, иногда ныряя за ней на мелководье. На пляже они мазали друг друга кремом для загара и так рискованно валяли дурака, что даже пожилые немецкие секс-туристы переставали читать газеты и начинали ерзать в затененных шезлонгах. Леня видел в ней Свою Русалку. Однажды вынес ее из воды прямо в моноласте — местные жители моноласту видели впервые в жизни и были страшно восхищены этим зрелищем.

— А если я превращусь окончательно в морское млекопитающее и не смогу оставаться на суше долго, как Русалочка?

— Тогда я куплю квартиру с бассейном, буду тебя там держать, навещать и четыре раза в день кормить.

— А если я покроюсь чешуей?

— Главное, чтобы ты рыбой не воняла.

Лягушонка не верила в свое возможное превращение. И на всякий случай прощупывала возможные варианты отхода. С поверхности земли под воду. Потому что на земле от этой любви спасения не было.

Сказать, что они отоспались, было нельзя, хотя они временами все же спали, невзирая на время суток. Но зато они чуть-чуть отъелись и еще больше друг к другу приросли. Совсем приросли. Лену поражало, как ненавязчиво и трогательно о ней заботятся — никто не заботился о ней так. А Леня поражался тому, что его майки оказывались постираны, а пуговица пришита. Оба соображали плохо, но им это было ни к чему. За неделю они рассказали друг другу столько маленьких и больших, детских и недетских тайн, столько вещей, прежде никому никогда не рассказанных, что последние барьеры между ними растаяли сами собой. Есть такие признания и такие тайны, которые рассказываются один раз в жизни, в темноте, на ухо, шепотом, чтобы ни тот ни другой не видели слез собеседника, — тайны были выданы и признания были сделаны. Кровь разведчиков и революционеров была побеждена, они оба раскололись. Они принадлежали друг другу так полно, как вообще могут принадлежать друг другу два разных человека. Ближе дистанции не бывает — дальше начинается полное слияние двух тел и двух

душ. До этого оставался сущий пустяк. Очень прозаический — и очень трагический для Лены.

В один из вечеров они вышли после очередного дождя поужинать в кафе рядом с отелем, телам и душам требовалось подкрепление. Им принесли свечи, кофе, Лена взялась за вилку — и в ужасе закрыла рот руками. Ее съемные протезы... За годы занятий подводным плаванием их неоднократно приходилось переделывать. Следующая переделка грозила полной потерей верхних зубов.

Старость ассоциировалась у Лены с розовыми челюстями, которые на ночь кладут в стаканчик. У нее был дичайший комплекс, она даже целоваться с Леной поначалу стеснялась из-за этого, ей казалось, что он почувствует пластиковое небо у нее во рту и ему станет противно. Верхний съемный протез сломался на вульгарном куске хлеба вместе с коронкой, на которой он держался. Именно в тот момент, когда она оказалась с возлюбленным в Таиланде, причем ладно бы в последний день, а то буквально на третий день пребывания там. Ужас Лены был мгновенным, но тотальным. Голливудский Хоррор. «Челюсти», часть 2.

Леня все понял.

— Ну что? — спросил он, улыбаясь. — У тебя проблемы с зубами?

— Молчи, — пробормотала она, — сейчас я пойду в отель и там разберусь.

— Нет, дорогая, — мягко сказал Леня, — сейчас мы вместе сходим в отель, посмотрим, что с твоими зубами, подумаем, как быть дальше. А потом вернемся к ужину.

Лена мычала и сопротивлялась, но он силой приволок ее в отель, завел в ванную и сказал:

— Снимай.

Лена думала, что только смерть заставит ее разжать стиснутые челюсти перед посторонним человеком. Она даже детям стеснялась показываться без зубов, всегда закрывала дверь в ванную. Ей было не просто стыдно — она хотела провалиться сквозь землю и более не возвращаться на поверхность. Сейчас Леня увидит ее без зубов и поймет, какую старуху он сдуру принял за свою единственную любовь.

Но мягкие успокаивающие интонации сделали свое дело. Лена сняла протез, и земля не разверзлась под ней. Леня разглядывал сломанную конструкцию, сказал, что склеивать или чинить бесполезно и она будет ходить как есть. А если стесняется, то может не улыбаться во весь рот, ему вообще все равно. И они сейчас же пойдут обратно в кафе, там его бифштекс стынет. А ей он закажет мягкий десерт.

Они вернулись в кафе. Лена сидела молча и боялась расплакаться.

— Ты понимаешь, что делаешь? — спросила она. — Еще не поздно переиграть, я тебя не держу...

— Поздно, Лена! — ответил он ей. — Я все решил. Если мне положено хотя бы десять лет счастья — значит, у меня будут эти десять лет счастья. А потом... потом я буду возить тебя на колясочке в поликлинику, если уж ты так настаиваешь на переводе старушки через улицу.

И тут Лена расплакалась — при нем и прямо за столом. А он смотрел на нее — и во всей Патгайе и во всем мире не было для него в тот момент женщины прекраснее и удивительнее, чем эта сидевшая перед ним носатая, стриженная под мальчика,

крашенная, беззубая, не молодая и не красивая 46-летняя женщина-ребенок.

В предпоследний день они выбрались на единственную бесплатную экскурсию, чтобы еще что-то увидеть, кроме полоски пляжа, кафе и номера в отеле. Автобус привез их в буддистский храм, где обоих окончательно посетило чувство полного покоя и гармонии. Разноцветные и золоченые статуи Будды украшали небольшую площадку на вершине холма. У входа в храм сидели два монаха в ярких одеждах и завязывали всем ниточки на запястье, хитро при этом улыбаясь. Им тоже повязали красные ниточки.

Не будучи приверженной никакой религии, Лена считала, что у нее с богом свои отношения: он ее слышит и помогает, когда очень-очень попросишь. Обоим показалось, что ни к чему не обязывающее завязывание ниточек связало их каким-то особым тайным знаком типа масонского рукопожатия. Леня даже сделал ей предложение, но Лена мягко сказала:

— Если через год для тебя это будет так же важно, мы вернемся к разговору о женитьбе.

Ей больше всего на свете хотелось сказать «Да!» — но она не считала себя вправе связывать молодого прекрасного принца какими-то обязательствами. А обязательств и не было — была лишь красная ниточка, завязанная лукавым буддистским монахом в яркой одежде.

*Будда в вышине!
Вьлетела ласточка
Из его ноздри.*

ИССА

Влюбленные коты

Умолкли. Смотрит в спальню

Туманная луна.

БАСЁ

Влюбленные вернулись из Таиланда еще более влюбленными друг в друга. Вопреки тревогам Лены, возвращение в Москву не стало возвращением Золушки домой: карета не превратилась в тыкву. Они были настолько счастливы, что окружающие быстро к этому привыкли. Ее подруги воспринимали Леню как необходимый элемент жизни. Оказалось среди ее близких несколько человек, холодно принявших неожиданный роман из-за разницы в возрасте. Лена постепенно перестала с ними общаться: друзья познаются не только в беде, но и в радости.

Миша с Любой всячески покровительствовали паре, поскольку сами прошли через все препятствия, создававшиеся разницей в возрасте и враждебной реакцией на это окружающей среды. Они быстро придумали для влюбленных общее прозвище — Лёньки. И часто спрашивали друг друга:

— Сегодня Лёньки придут?

Часто ходили вместе в кино. Подобная форма досуга, прежде казавшаяся Лене абсолютно бессмысленной, приобрела особую прелесть: Леня покупал билеты на последний сеанс, они встречались в кафе, Миша с Леной производили ритуальный обмен деньгами, потом сидели в последнем ряду, как две влюбленные пары, потом пили чай на кухне у Миши с Любой и болтали полночи, как-то встречали рассвет на Воробьевых горах.

Однажды посмотрели идиотский боевик с главным героем, отдаленно напоминавшим Лению — мускулатурой, стрижкой и стальным взглядом. За традиционным полуночным чаем обсуждали глупости американского сюжета, привязанного к российской почве, Миша вскользь заметил:

— Этот сталинский сокол из ЦРУ — вылитый Леонид.

Прозвище «Сталинский Сокол» прилипло к внуку знаменитого военачальника. Лена тут же добавила:

— Сталинский Сокол и Лягушонка — чем не пара?

Часто выбирались в театры, на выставки, сдружились вчетвером еще больше, чем рань-

ше. Гармония между Мишей и Любой, которой завидовали они поврозь, теперь стала реальной и для них. Нечему было завидовать, они так же смотрели друг на друга и говорили друг другу не менее нежные слова. Миша с Любой только радовались. Они словно их усыновили, вдобавок к Любиным взрослым детям. Люба иногда говорила:

— Миша, надо купить к чаю что-нибудь, дети придут... — и в эту категорию попадали не только ее взрослые сыновья с девушками, но и Лена с Леней.

А «Сталинский Сокол» только расправлял крылья, заходя к ним на кухню, горделиво окидывал взглядом свою низкорослую спутницу:

— Лена, сядьте уже, не мельтешите, — после чего Лена мгновенно переставала мельтешить и молча садилась за стол. У них даже появились собственные места на кухне у Миши с Любой: курящая Ленка запихивалась под форточку, а Леня сидел слева от нее и регулярно лазил открывать форточку через ее голову. Сидя за столом, они ни на секунду не прекращали пихаться, обниматься, пить сок из одного стакана, проводить друг на друге болевые приемы и препираться по любому поводу. Миша с Любой, оба в прошлом школьные учителя, временами делали им замечания и требовали немедленно прекратить. К Мише с Любой благодаря этой новоиспеченной парочке возвращалось ощущение чудесной беспечности, свойственной только влюбленным.

Лена хронически не умела вить гнездо — есть такая порода птиц, которым просто нечем вить гнезда, у них для этого не приспособлены лапы. «Сталинский Сокол», вписавшись в ее плохо обустроенный быт, тут же начал таскать в гнездо веточки. Они купили диван, журнальный столик, переставили в комнате Лены мебель, так чтобы ему было где раскидывать свои бесчисленные диски, книжки, протянули провода, поставили колонки. Пересмотрели любимые затертые кассеты, на которых он вырос: «Кобру» с закадровым переводом Володарского, все серии «Звездных войн», серьезные фильмы, которые ему некогда было посмотреть раньше одному, а хотелось с ней вдвоем. Он приволок редкие старые брошюры по боевым искусствам, свои детские фотографии, свои маленькие ценности — всю свою мальчишескую жизнь принес и положил к ее ногам: бери, она твоя.

А уж когда она обнаружила, что ее юный самурай с легкостью оперирует словами вроде «бихевиористики», восхищение достигло предела. Не было прежде мужчины, который мог играючи объяснить то, что сама Лягушонка и вовсе не могла выговорить.

Лена всегда утверждала, что существует одно проверенное средство общения с мужчинами: если не лезть, то грубая лезть. А лучше всего способ работает в совокупности с фразой «вы такой умный, это что-то». И Миша, и сам Ленья неоднократно попадались на нехитрую уловку. Мужчины в ее жизни делились на две категории:

те, с кем она могла дружить и говорить об умном, и те, с кем можно было встречаться без лишних разговоров. Но Ленька оказался мужчиной без аналога — умный, сильный, красивый, добрый и честный. Как обращаться с подобным чудом, она не знала. Оставалось только любить. Зажмурившись.

Одиноким быт Лены стремительно превращался в быт семейной женщины. И ей не просто нравилось подобное превращение — она была счастлива. Ее шкаф, раньше забитый гидрокостюмами из неопрена разной толщины, заполнили вещи Лени, да и ей пришлось обзавестись юбкой и парой новых платьев. Он был везде, и казалось, что был всегда. Они так давно были знакомы и столько всего делали вместе, что для нее, вечной одиночки, переход к совместной жизни оказался на удивление легким.

Лене пришлось значительно тяжелее, но он старался, старался изо всех сил. Он подолгу беседовал с ее папой на разные умные темы, покупал ее дочери мороженое, которое ей нравилось, помогал налаживать компьютер, выручал из автомобильных передраг, нередко срывался среди ночи, если она глохла где-то на улице. Дочь Лены часто приходила поздно с разнообразных тусовок и всегда заставляла их на кухне болтающими о чем-то за чашкой чая.

— Когда вы спите? — спрашивала она изумленно. — Когда бы я ни пришла, вы всегда чай пьете и болтаете.

— Нам просто вместе интересно, — объясняла Лена.

И сама была поражена тем, что впервые в жизни встретила мужчину, рядом с которым ей интересно всегда. Давным-давно она спрашивала бабушку, почему та вышла замуж именно за деда. И мудрая бабушка ответила:

— Мне было с ним интересно.

Теперь Лена поняла смысл этого объяснения. Ей было интересно и хорошо с ним каждую минуту. Каждый вечер засыпала и думала: завтра праздник. Почти как в детстве — перед Новым годом или днем рождения. А утром просыпалась, утыкалась в его плечо и понимала: да, это праздник. Больше того, это чудо. И оно рядом. И может кончиться в любой момент. Но об этом Лена себе думать запретила еще осенью, когда все начиналось. Чудо — и чудо, у него другие хозяева, ее воля тут значения не имеет.

Возвращение после медового месяца было омрачено тяжелой потерей для Лены: в Киеве умер ее старый друг, с которым они дружили много лет семьями. Незадолго до их отъезда он оказался в больнице с непонятным диагнозом. Лена разговаривала с ним по телефону, рассказала ему про свое нежданное-негаданное бабье счастье, друг вздохнул и сказал:

— Не буду тебе ничего говорить, сама понимаешь. Будь счастлива!

— Не вздумай помирать, — сказала Лена, — подожди моего возвращения, не порти мне медовый месяц.

Он так и поступил. Лёньки прилетели из Таиланда в субботу, а в понедельник он умер. Лена не успела на похороны, но поехала на 40 дней, в новогодние каникулы. Так получалось, что они все время куда-то вместе ездили, независимо от повода. Лена сначала не хотела брать Леню с собой — глупо вроде, она даже не успела их познакомиться. Потом представила, как проживет без него целых три дня — да не проживет она без него и суток, — и решительно сказала:

— Поехали. Ты мой, и они — мои друзья. Вместе — значит, вместе везде.

Леня не успел оглянуться, как уже сидел в купе поезда, соседей не оказалось, и они оттягивались в дороге как могли. В какой-то момент он включил плеер с Лениными песнями, сунул один наушник ей в ухо, другой — себе и обнял ее, потрясенный тем, что ее голос звучит в плеере и ее при этом можно потрогать. «Эта необыкновенная женщина — моя!» — было написано на его изумленном лице. Лена в очередной раз подумала, что он видит в ней не реального человека — миф, который он создал и который теперь принадлежит ему и только ему. Дальше думать не стала.

И в поезде, и в Киеве они не отлипали друг от друга. Они вообще разлеплялись только на короткие минуты. Лена была ему страшно благодарна за поддержку во время печальной встречи.

А друг ненамного-то и старше был. Предупреждение услышала Лена в случайном совпа-

дении. Судьба стучалась в дверь еще раз. Но Лене было наплевать. Они вернулись в Москву, еще больше привязавшись друг к другу. Она больше не будет одна! Ни перед смертью, ни перед горем. В это невозможно было поверить, но это было так.

Леня раз и навсегда посадил ее в свою новую машину — и заслонил от окружающего. Она все время ощущала себя под защитой. Она больше не была теткой с сумками, которая едет с рынка на троллейбусе или на метро на работу. Она была его единственной женщиной, и он отвечал за нее. Это было страшно — и это было чудо.

Однако в то время как Лена купалась в ощущении чуда, Лене приходилось совсем несладко. Родственники и друзья наконец поняли, что произошло. Мудрая еврейская мама Лени отнеслась к событию достаточно спокойно. Она впервые видела своего сына таким сияющим, а также сытым и даже наевшим несколько килограммов — что немаловажно для еврейской мамы. О прочих родственниках этого сказать было нельзя, ситуация усугублялась тем, что родители его и бывшей жены между собой дружили. Бывшая жена переехала куда-то, кошку забрала с собой, но вещи не забирала, за какими-то необходимыми предметами наезжала неожиданно. Его квартира стояла пустая, там понемногу установился особый запах, который присущ только помещениям, в которых никто не живет. Леня приезжал туда ненадолго, поливал цветы и скорее бежал обратно к Лене, ему было не-

уютно в своей квартире, словно предыдущая жизнь выкручивала ему руки. Всякий раз, побывав там и зайдя к родителям, он приезжал дерганый, с головной болью и долго приходил в себя. А Ленка кормила его, молча жалела и гладила по голове.

Леня чувствовал, что всеобщая родственная забота сильно уменьшилась. Однако он был стойкий оловянный солдатик и однажды достаточно жестко ответил отцу:

— У тебя есть мама, у вас с ней все хорошо. Я тоже имею право на счастье.

Крыть было нечем. Постепенно все переварили эту новость, тесть по-прежнему занимал Леню на работе, хотя было понятно, что работу надо менять. Раньше Леня работал или с отцом, в одной из его фирм, или у друзей отца, или потом у тестя. Он работал с 17 лет, учился на вечернем — его юность пришлась на самые тяжелые годы, но всегда был ведомым и совершенно не понимал, куда ему деваться, когда родственники тихо перекрывали ему пути к работе. Впервые он понял, как тяжело будет без поддержки.

Лена, которая всего в жизни добивалась сама, без малейшей помощи и протекции, тараня лбом стену, смотрела на него и понимала: она порушила парню жизнь, но дала ему шанс наконец повзрослеть. Леня потыкался еще по родственникам, не получил от них ничего путного, кроме невнятных советов и бесполезных рекомендаций. Потом сам, на своих связях, нашел преподавательскую ра-

боту в одной из финансовых академий. Страшно боялся, но Лена горячо поддержала его: у Лени был бесспорный педагогический талант, он мог объяснить кому угодно что угодно начиная от исполнения окинавского ката и заканчивая сложной финансовой схемой. Он обладал несокрушимым обаянием, был спокоен и уверен в себе — вернее, производил такое впечатление.

Как выяснили они однажды, оба одинаково были неуверены в себе. Но если Лене это скрыть не удавалось, то, глядя на Леню, никто бы ни о чем не догадался, что ему страшно или неловко.

Они вообще оказались похожи даже в мелочах. Однажды, в первые дни совместной жизни, Лена делала ему вечером бутерброды, а себе просто отковыряла кусок плавленого сыра и съела с ножа.

— Лена! — воскликнул он.

Лена испугалась, что сделала что-то ужасное, собралась извиниться за плохие манеры.

— Нельзя...

— Не буду больше! — тут же сказала она.

— ...нельзя быть до такой степени на меня похожей, — выдохнул он.

Оба с наслаждением перестали делать по утрам зарядку. Не надо было отжиматься, выпучив глаза, и что-то себе доказывать, не надо было ничего никому доказывать, они уже все друг другу доказали. Они валялись по ночам на диване, смотрели боевики и втихаря ели лежа, потом стряхивали с дивана крошки. Он мог за-

брать ее после работы и поздно ночью отвезти в кафе недалеко от дома — просто чтобы посмотреть, как она ест блинчики и обляпывается шоколадом. Они ходили вместе в театр и одинаково реагировали на то, что происходило на сцене. Леня в молодости пропустил счастливый период, когда студенты бегают по выставкам и концертам, не до того было в 90-е. А Лена столько лет работала в ежедневной газете по вечерам, что тоже отвыкла от всех форм культурного досуга. А может, просто не с кем было ходить? Теперь оба жадно наверстывали упущенное: Леня открывал для себя целые пласты прозы, поэзии, бардовской песни, стихи Бродского, радостно читал и слушал то, что любила Лена. А Лена находила радость в ночном походе на новый фильм или в новой коллекции дисков. Очень скоро они выработали особый, им двоим понятный язык, когда один начинает цитату, а другой ее заканчивает. Обычно такой словарь образуется у давно живущих вместе пар. То ли они действительно давно знали друг друга, то ли быстро и насмерть слиплись, как две половинки одного целого.

Вскоре после приезда из Таиланда Леня осуществил давнишнюю мечту и сделал себе татуировку, через какое-то время Лена сделала почти такую же. Они делали все впервые в жизни — и друг для друга. Впервые в жизни Лене не надо было переводить свои мысли с русского на русский, а иногда и вообще не надо было говорить, Леня понимал ее без слов. Одна близкая подруга сказала как-то Лене:

— Он похож на тебя больше, чем твои собственные дети.

Лена часто вспоминала цитату из райкинского монолога «В Греческом зале, в Греческом зале...».

— А внутри у этого рыцаря — наши опилки, — говорила она, имея в виду себя.

Дразнила Ленку собирателем древностей. Он только морщился от этих шуточек и молча разминал ей мышцы плеча и шею, затекавшие от долгого сидения за компьютером или, наоборот, спазмированные после неудачного броска. А иногда Ленкин позвоночник все же давал сбой, она стыдилась своей немощи, но Леня возил ее к мануальному терапевту, потом убеждал:

— Не ходи завтра на тренировку, побереги себя.

Оба коротко стриженные, энергичные, тренированные, собранные, легкие на подъем, они просто вставали и двигались рядом слаженными движениями — и было понятно, что это *Пара*. Казалось, они могут мгновенно и синхронно выполнить сложный парный элемент, как в фигурном катании. На тренировках они работали теперь вместе и при команде поменять партнера даже бровью не вели. Леня никому не доверял Ленкину больную спину и сам швырял ее на татами с максимальной аккуратностью, а в сложных случаях незаметно придерживал за ворот или за пояс. Учитель и Сэнсей смотрел на них и ухмылялся добродушно.

Он видел в Ленке своего будущего преемника: тот уже был мастером, а лет через пять-

десять обещал стать большим мастером. Очень большим.

Лена искренне не понимала: за что? За что ее водят в кафе, за что ее возят на работу и с работы, за что ее носят на руках?.. Она была уверена, что не заслужила и десятой доли счастья, которое на нее обрушилось. И только любовалась им. И благодарила за каждый день и час, проведенный вместе.

После возвращения из Таиланда ей пришлось решать проблему с зубами. Проблема решалась просто: зубы у Лены кончились. Надо было распилить мост и вырвать остатки разом.

Лена понимала, что на этом закончились ее глубоководные погружения с аквалангом — держать загубник стало нечем. Но даже не это привело ее в полное отчаяние, а совсем другое. Она не могла представить, как будет ходить с щербатой старческой пастью при молодом красивом возлюбленном. Попробовала уговорить Леню пожить у себя во время беззубой паузы. Но Леня взял ее за шкирку и самолично отвез к хирургу. Сидел в коридоре, потом увидел ее зажатый рот, вытаращенные от ужаса и отчаяния глаза — и его затрясло от нежности и сострадания. Первые полдня Ленке было нечем говорить, они переписывались в специальном блокноте.

Он сидел с ней несколько дней дома неотлучно, взбивал миксером еду, катал по заснеженной Москве на машине, развлекал как умел. Лена так нянчилась разве что со своими детьми в раннем возрасте.

Измученная Лена готова была целовать ему руки за эту заботу — понимала, какое грустное зрелище представляла собой в тот момент. А Лене было все равно. С зубами или без, он любил только эту женщину, желал только ее и ни с кем другим ничего подобного не испытывал. Теперь он знал все о женщине, о женском теле, о своем теле, о том, на что способны двое, если они хотят сделать друг друга счастливыми. Его периодически прошибало почти до слез от какой-то примитивной заботы, к которой он тоже не привык. В общем, оба они находили друг в друге то, чего отродясь ни в ком не находили. Да и в себе.

Однажды Лена пришла с работы и что-то в шутку ляпнула про разбросанные вещи или диски.

— Ну что, надоел я тебе уже? — в отчаянии воскликнул Леня. — Так и скажи, мол, дверь вон там.

Лена обняла его:

— Да как ты мне можешь надоест, лучше тебя никого на свете нет.

Тогда ей впервые пришло в голову, что он тоже боится. Его отчаяние было отчаянием ребенка, ожидающего несоразмерно тяжелого наказания за проступок. Они были зеркалом друг друга, оба любили и боялись быть брошенными.

Леня не раз убеждал ее, что бог не раскидывает две половинки одного целого слишком далеко во времени и пространстве: они жили совсем близко друг от друга, у них было много об-

щих знакомых, даже в детстве они много раз бывали в Анапе. Приводил кучу разных возможных вариантов их знакомства, которое произошло бы, даже если бы Миша их друг другу не представил два с лишним года назад. Лена сначала пыталась возражать, а потом поверила. А кому возражать? Судьбе не возразишь, у нее свое мнение на их счет.

Еще в начале их романа, в стадии коротких свиданий и мучительной переписки, Леня сказал ей:

— Я хотел бы увидеть, как ты состаришься.

Лена часто вспоминала эту фразу и думала: захочет ли он этого через год, через два? Смертельно боялась, что он скоро поймет: ее рискованные нырялки, ее тренировки — способ бегства от старости! Кто-то ботоксом обкальвается, кто-то модными тряпками обвешивается, а она таким образом спасалась от неотвратимости возраста. Захочет ли она сама превращаться в развалину рядом с ним, таким ослепительным и молодым? Лена знала, во что порой превращает женщин климакс, который однажды наступит. И не находила ответа. Не искала.

А вся предыдущая жизнь Лены упорно пыталась не пускать ее в светлое будущее.

То неожиданно заболел папа, и пришлось им отменить долгожданную мартовскую поездку на Белое море. Леня собирался ехать вместе с ней, они покупали ему теплые вещи, готовились, ждали — и все же пришлось сдать билеты. У папы начались приступы, которые проис-

ходили по ночам, и оставлять его одного было страшно. Леня носился как угорелый вместе с ними в больницу, а попутно еще выручал ее дочь, попавшую в аварию. И стал еще более незаменимым и еще более любимым. Хотя более незаменимым стать было невозможно — теперь его считали абсолютно родным.

То одна из каких-то многочисленных приятельниц ее дочери оказалась в сложных обстоятельствах, ей негде было жить, и она попросилась к ним на несколько дней, которые растянулись на месяц с лишним. Лене было *неудобно* перед Леней — но и сказать наглой девчонке, чтобы та пошла вон, язык не поворачивался. Леня терпел все. Он морщился и спрашивал:

— Надеюсь, она не в нашей комнате жить будет? — и этого было достаточно.

Он пытался заводить разговор о том, чтобы переехать в его пустовавшую квартиру и жить там вдвоем. Но Лена каждый раз уходила от ответа. Она не испытывала никакой привязки к материальным объектам, ей было все равно, где жарить картошку и котлеты. Но ей было *неудобно* перед его родителями. Лена чувствовала себя старой хищницей, которая разрушила молодую семью и лишила молодого прекрасного принца нормальной жизни. И конечно, родителям бы не понравилось, если бы она вдруг поселилась в квартире сына. К тому же там повсюду лежали вещи бывшей жены, и Лена не могла представить себе, как рядом с этими вещами она положит свои майки и джинсы. Ей ничего от него было не нужно, кроме его самого. Она жила за-

жмурившись и не думала ни о чем, кроме того, что каждое утро начиналось с отражения в любящих глазах. Была счастлива тем, что есть. И все чаще видела себя Царевной-лягушкой.

Начав работать в академии, Леня очень нервничал в непривычной для себя преподавательской ипостаси, но быстро понял, что студенты его обожают, а коллеги — терпят и завидуют. Подолгу готовился к лекциям, завалил их комнату толстенными книгами, страшно волновался каждый раз, купил себе новый костюм, становился ослепительнее и ослепительнее — Лена только вздрагивала, провожая его в этом великолепии в академию. Ей казалось, что ни одна женщина независимо от возраста не сможет устоять перед ним. Но Леня не видел и не слышал никого другого, хотя женщины действительно липли, и кружили, и заходили на посадку. Его звали на преподавательские празднества, студентки тащили в клубы, норовили встретиться и сдать курсовую в неформальной обстановке. Отдельные спортивные девушки старались позаниматься с ним какой-нибудь китайской оздоровительной гимнастикой на природе, звали кататься на роликах. Лена сквозь зубы ревновала и старалась не подавать виду. А ему никто не был нужен, кроме неказистой Лягушонки. Он называл Лену самыми ласковыми словами, которые никогда не мог раньше выговорить вслух, он находил в ней все, что можно найти в женщине. На тренировках они, не таясь, обнимались. Как-то Лена сказала:

— Смотри, по субботам твои ровесники налево собираются, выглаженные, начищенные. А ты со мной да со мной?

— Подумаешь, — ответил Леня, — я с тобой хожу налево каждый день. Им такое, как у нас с тобой, даже в home-video не покажут.

В июне случился очередной приезд японского отца-основателя, Лена получила коричневый пояс, Леня сам завязал его на Леночкиной талии и сидел рядом с ней на банкете уже не как с хорошей приятельницей, а как со своей женщиной. Потом зарулили к Мише с Любой. Леня весь вечер продолжал гордиться ее коричневым поясом — и вообще всем-всем-всем. Лена готова была не только пояс заработать — есть землю, лишь бы он почаще ею гордился. А Миша смотрел на них и по-отечески улыбался в усы и бороду: вот к чему привело изучение основ ударных техник.

— Карате — всего лишь одна из форм взаимного притяжения между мужчиной и женщиной, — временами говорил Миша.

Летом они ездили в Питер на машине к институтским друзьям Лены. Она впервые поехала туда с любимым человеком и была поражена тем, как легко вписался Леня в ветреный акварельный пейзаж и в привычную ей дружескую среду. Они шатались по залитому солнцем городу, обнимались на всех перекрестках. В застольной беседе Лена созналась своему другу, писателю и водолазу:

— Леня знает слова, которых не знаю даже я. И в любом споре со мной у него всегда есть железный аргумент.

Писатель поднял бровь:

— Интересно, какой?..

— Мае-гери, — отвечал Леня с непроницаемым лицом.

Писатель и водолаз пожал ему руку. Он знал Лену 20 с лишним лет и не встречал еще мужчину, рядом с которым она казалась такой счастливой и кроткой.

Потом Лёньки уехали на неделю в Турцию. Перед отъездом Лена снова оказалась в двойственной ситуации: сначала сын пригласил ее познакомиться с родителями его девушки. А на следующий день они улетали в Турцию одним рейсом с мамой и младшим братом Лени. И, надо признаться, дрейфила она в первом случае меньше, чем во втором. Роль любимой девушки удалась ей заведомо хуже, чем роль потенциальной свекрови, она стеснялась и помалкивала.

В Турции выяснилось, что Лена не умеет отдыхать просто так. Она начала ездить за границу, когда занялась дайвингом, отдых для нее означал лишь другую форму активной деятельности. Леня учил ее ничего не делать — просто быть вместе и находить в этом радость. Они валялись на пляже, плавали, ныряли и любили друг друга все свободное время. Лена запомнила какой-то вечер, когда она стала ему неожиданно петь колыбельные, а он — ей. Кончилось тем, что они хором пели детские и дворовые песни, которые помнили.

Ездили на экскурсию в античный город, молча бродили среди выбеленных солнцем

щербатых колоннад, заросших цикорием, слушали цикад. Плавали в бассейне Клеопатры, который, по преданию, делал женщину моложе. Леня хотел отвезти ее именно в этот бассейн. Экскурсия продолжалась два дня, Лёньки ночевали в маленьком отеле в горах, рядом с античным городом, чтобы пойти туда на рассвете, до наступления жары. Ночь в отеле была необыкновенной даже для них — магия бассейна Клеопатры сыграла роль. Когда утром они шли между мраморных колоннад, обоих пробирала насквозь нежность и ощущение полной гармонии — той же, что царила среди мрамора, безупречного даже спустя 2000 лет.

Фотографии, сделанные в бассейне Клеопатры, Лена послала своим старым друзьям. Никто никогда не видел ее такой красивой, молодой и счастливой, как на тех фотографиях. Все было просто: она любила и ее любили.

А потом они поехали в Египет, в Дахаб, вместе с той веселой компанией фридайверов, с которой Лена ныряла на Белом море. То, что на протяжении двух лет знакомства Леня слышал только в пересказе, становилось реальностью. Он сидел вместе с ней на камнях Блю-Холла, уникального бездонного колодца, любимого места ныряльщиков всех времен и народов. Смотрел на мемориальные таблички с именами тех, кто так и не вернулся из манящей Голубой дыры.

— Вот здесь могла бы быть и табличка с моим именем, — улыбаясь, сказала Лена, — если бы

я не сломала ногу в первый день, то на этих камнях точно сломала бы шею.

Бездумная атмосфера вечного солнца, вечного релакса и легкой рискованной игры, царящая в Дахабе, старый отель, цапли, гуляющие на рассвете вдоль пляжа, занятия йогой на плоской крыше, мгновенные и ослепительные красно-морские закаты. И любовь, любовь, без которой ни дня не могут прожить оба.

Леня тоже начал нырять. Команда Юли Петрик уговаривала его присоединиться к тренировкам. В глубину бездонного колодца кидали трос, вокруг красного буя копошились фридайверы, Юля и второй инструктор страховали их и поправляли технику нырка — обычный тренировочный курс. А поперек Голубой дыры была протянута веревка для пловцов-любителей, уже обросшая водорослями. И Леня переныривал Голубую дыру по тросу, в то время как вся фридайверская компания ныряла в глубину. Только издали посматривал за Ленкой. Потом они отлеживались в тени, обедали и уходили плавать и нырять вдвоем. Лена никак не могла понять, почему он не хочет нырять вместе с остальными.

— Почему ты ныряешь поперек, когда все ныряют вдоль?.. — спросила она его в упор.

— Я же не платил денег за нырялку, — смущаясь, ответил Леня, — как-то *неудобно*...

Это признание Лена вырвала из него в конце поездки и была потрясена тем, до какой степени он щепетилен в денежных вопросах. Впер-

вые она встретила человека, которому бывало столь же *неудобно*, как ей.

В последний — решающий — день нырялки Лена повредила ухо, не единожды рваное за годы погружений, и не смогла достичь желаемой глубины. Самолюбивая Лягушонка ушла мрачно курить за скалу, вытирая кровь, мусоля сигарету в мокрых пальцах и гордо переживая свое поражение. Сейчас он увидит, какое она ничтожество, сейчас он наконец поймет, что нет в ней ничего необыкновенного. Через две минуты получила от него эсэмэску: «Я тебя люблю». Он любил ее независимо от возраста, роста, веса и глубины погружений. Лягушонка никак не могла понять, что нельзя измерять любовь ни в каких единицах!

Ныряльщики быстро приняли спутника Лены в свою компанию. Лёньки приползли к общему столу позже, сидели вдвоем, раньше уходили. Неведомое чувство защищенности было удивительным — ни с кем рядом она не чувствовала себя женщиной до такой степени.

А еще он дарил ей подарки, привозил из своих коротких деловых поездок кучу сувениров, мягкие игрушки, задаривал и Лену, и ее дочь, и своих друзей, и всех окружающих — так он был счастлив. От его щедрости у Лены захватывало дух. Она априори понимала, что никогда не сможет ни внутренне, ни тем более внешне соответствовать своему прекрасному принцу.

Леня, в свою очередь, бдительно следил за тем, чтобы она выглядела безупречно. Он хотел видеть в ней не просто свою женщину, а красивую женщину.

Зная своенравную Лягушонку, он периодически заводил за чаем разговор абстрактного свойства:

— Мне кажется, что у твоей мамы закончились летние вещи...

— Безусловно, — дочь включалась с полупинка, — а уж мне самой и вовсе нечего надеть.

— Думаю, тебя ждет бонус в виде очередной пары балеток.

— Вы заранее сговорились, что ли? — Лена пыталась отбиться от грядущего посещения торгового центра, — можно, я просто денег дам?

— И не надейтесь, мамаша, — дочь была непреклонна.

— А ты мне позвонишь оттуда и скажешь, как мама себя ведет, — резюмировал Леня, — я вас подвезу.

Через час он действительно звонил и спрашивал:

— Как клиент себя ведет?

Лягушонка в это время ковырялась в примечной и слышала ответ дочери:

— Как всегда: матерится, просится в туалет, хочет курить и утверждает, что ей пора на работу. Не волнуйся, Леня, ситуация контролируется, без новой одежды я ее отсюда не выпущу.

Дочь была сама красавицей и модницей, да еще к тому же работала стилистом и в моде понимала как никто. Приезжая вечером домой, Лена была обязана продемонстрировать обновки. Леня вместе с дочерью долго и со сма-

ком обсуждали, в каких сочетаниях ей носить новые вещи. Лягушонка никогда даже не могла предположить, что кого-то будет всерьез интересовать, какие брюки и с какой майкой ей носить. Но эти двое самых родных людей спелись — и терпеливо делали из Лены почти молодую и почти гламурную красотку. Царевну-лягушку.

Тут случилось радостное событие, которое впервые заставило Лену всерьез задуматься о том, как долго она будет себя ощущать молодой и прекрасной. Сын женился, вскоре после приезда из Египта состоялась свадьба. Перед свадьбой Лену снова под конвоем отвели одеваться. Она была ослепительна в платье Dolce & Gabbana, сверкала загаром и безупречной мускулатурой, выглядела на все сто. На свадьбу Леня идти стеснялся и не хотел, но его пригласили, деться было некуда. Он с тоской помогал украшать машину ленточками, учил жениха завязывать бабочку: жених держал ее в ужасе за хвост, как дохлую мышь, и спрашивал, что ему делать с этаким девайсом. Ленька учил его год назад завязывать галстук под деловой костюм, к кому же еще было обращаться по поводу бабочки?..

Лена как свекровь должна была встречать новобрачных хлебом-солью. Хлеб-соль испекли на заказ, весила эта хлеб-соль килограммов пять, и Лене надо было ее как-то развернуть и развязать веревочки. Заботливый Леня в этот момент разговаривал с ее подругами и не мог помочь, а позвать одного из официантов Лене

было *неудобно*. Новоиспеченная свекровь в вечернем туалете, держа хлеб-соль на загорелом предплечье, одним молниеносным движением достала из вечерней сумочки выкидной нож, выбросила лезвие и стала другой рукой разрезать бантик. Леня увидел это — но было поздно.

— Ни на минуту нельзя оставить! — сокрушенно воскликнул он, отбирая у нее и нож, и веревочки.

— Как я выглядела с караваем? — потом спросила его Ленка. — Такой тяжелый, держать было неудобно на вытянутых руках.

— Так и держала: десять минут на бицепсе и десять минут на трицепсе, — отвечал Леня, — платье открытое, мускулатуру все оценили.

На свадьбе они с Ленею танцевали и участвовали в конкурсах вместе с молодежью. Школьные друзья сына свистели и хлопали — они никогда не видели маму своего друга такой молодой и веселой.

Однако свадьба подействовала и на Леню. Прямо после ресторана они поехали к Мише с Любой — ему хотелось похвастаться Ленкой в вечернем платье и посидеть полчаса в тишине. Только с ней.

А на следующий день он сгреб Лену в охапку и повез за город, вместе со своими старыми друзьями. Вчера она была свекровью и подавала молодым хлеб-соль — сегодня она была его девушкой. Ей показалось, что Леня очень переживает ее переход в другой статус и, как может, поддерживает ее в ощущении собствен-

ной молодости. А может быть, он впервые задумался о том, что его любимая девушка может вскоре стать и бабушкой? А может, ревновал к детям?

Впрочем, она отогнала от себя мрачные мысли и решила в очередной раз: будь что будет. Царевна-лягушка готова была расстаться со своей лягушачьей кожей навсегда, но боялась об этом сама попросить.

А еще с Леной произошла удивительная вещь: постепенно она вообще отвыкла в присутствии Лени доставать кошелек.

И еще были у них тайные планы, которые они никому не озвучивали, но сами иногда обсуждали — ночью, засыпая, шепотом. Если хочешь насмешить бога — расскажи ему о своих планах.

*О цикада, не плачь!
Нет любви без разлуки
Даже для звезд в небесах.*

ИССА

ЭТА НОГА — У КОГО НАДО НОГА.
ВТОРАЯ СЕРИЯ

*Луна или утренний снег...
Любуясь прекрасным, я жил, как хотел.
Вот так и кончаю год.*

БАСЁ

Не успели они оглянуться, как прошел год с начала их феерического романа. За год они успели побывать везде. Лето кончилось, у Лени в академии начался учебный год, во всех школах боевых искусств — тренировки.

Учитель и Сэнсей видел в Ленке преемника, собиравшись взять его с собой на показательные выступления в Грузию, где проходил какой-то очередной семинар по боевым искусствам. Семинар — всего лишь повод для старых переломанных ветеранов карате, чтобы расслабиться, выпить вина под звездами и послушать шум прибоя, воспроизводя идиллию из «Писем римскому другу» Бродского. И повод познакомиться друзей со своим преемником. «Пошли мне, господь, Второго!» — писал Андрей Вознесенский. Учитель и Сэнсей нашел Второго в лице Ленки. И тот, конечно, хотел поехать с ним в Грузию. В начале учебного года он еще мог выкроить неделю для участия в семинаре. Лягушонке тоже очень хотелось, чтобы ее возлюбленный добился всего, в том числе — и в боевых искусствах. До отъезда осталось три дня.

Ее саму мучила потянутая в Египте барабанная перепонка, начались проблемы, пришлось лечить ухо всерьез. Поэтому в солнечную сентябрьскую субботу Леня поехал на тренировку без нее.

А вернулся полумертвый от болевого шока, с ногой, болтающейся как у марионетки. Один из его учеников нанес ему сокрушительный и совсем не тренировочный удар прямо по колену. Леня еще порывался лететь в Грузию, но не мог сам дойти и до туалета, отчего лез на стенку еще сильнее. Лена силой загнала его на МРТ.

— Где ваш муж? — спросили Лену, когда она пришла за расшифровкой в кабинет.

— Уехал.

— Обратно в больницу? На «скорой»? — переспросили врачи.

— Нет, на своей машине уехал, обратно в академию лекции читать.

Врачи переглянулись и огласили список потерь.

Все связки, какие есть в коленке, были порваны, а некоторые отсутствовали. Леня никуда не полетел. Ему предстояла сложная операция. Хирурга нашли — лучшего в Москве, операция стоила недешево, делать ее нужно было месяца через полтора-два после травмы. Все это время Леня ползал на костыле, потом с палочкой, ходить он не мог совсем, но мог ездить, с трудом занося ногу в машину, как отдельного пассажира. Он работал, но тяжело переживал свою немощь, хотя наострился скакать на костыле, а потом с палочкой с дикой скоростью. Как мог, подшучивал над собой и делал вид, что все обойдется. Но Лена видела, насколько тяжело ему осознавать свою физическую ущербность, ему — блестящему, сильному, который носил ее на руках играючи и ощущал себя суперменом — и ползать на полусогнутых в ванную.

Самой Лягушонке, с ее убитым позвоночником, много раз доводилось ползать на карачках в

туалет, она привыкла к ощущению собственной физической неполноценности. Но видеть своего Сталинского Сокола растерянным и отчаявшимся было невыносимо.

В ту же осень одна из двух ближайших подружек — литературных героинь — собралась делать ремонт и приехала жить к ним со своими детьми. Ей отказать Лена не могла. Это была дружба, вынесшая 20 лет суровых испытаний. Лене было *неудобно* сказать что-то Ирке. От присутствия в доме посторонних ему людей хромому Леньке было еще тяжелее, но и ему было *неудобно* об этом сказать Лене. Дружба была и для него понятием абсолютным.

Леня мучился, ждал операции — и все равно ходил с Леной и в гости, и в кино, и в театры на своей негнущейся хромой ноге. Она любила его — и здорового, и больного, и какого угодно. И не знала, как быть достойной такого парня, ей казалось, мало она делает для него, мало. Леня же страшно мучился и от собственной немощи, и от того, что может быть ей в тягость. Предыдущий мужик — тот, что был намного старше, — пил, болел, Ленке вместо любви досталось и больниц, и «скорых», и наркологов. Леня хорошо помнил ее редкие скупые рассказы. Она не раз повторяла, что наухаживалась за больными вдоволь и нажила дикий комплекс вины от того, что все больные умирали у нее на руках. И он комплексовал еще сильнее, и прыгал на хромой ноге, как будто у него еще три запасные ноги лежат в багажнике.

Наступил день операции. Они приехали рано утром в больницу, долго ждали, наконец к ним вышел молодой хирург-аспирант, который должен

был ассистировать мэтру. Он что-то выпрашивал у Лени, потом обратился к Лене:

— А вы кто, мама будете?

Лена не выпалась, нервничала и, наверно, выглядела не лучшим образом. Но до этого она никогда не слышала комментариев по поводу разницы в возрасте и наивно полагала, что со стороны эта разница не вглядит чрезмерной.

— Нет, не мама, — сквозь зубы ответила она.

Пациента увезли в операционный блок. Она дождалась, пока его привезли обратно в палату, увидела, как он улыбается после спинальной анестезии. Ленька еще успел по телефону провернуть какую-то сделку. Потом она уехала на работу.

Леня писал ей из больницы эсэмэски.

«Я благодарен богу за то, что у меня есть ты...»

«Я так люблю тебя и так скучаю по тебе...»

«Ты мое счастье...»

Она запросыпалась от попискивания мобильного, ждала утра, чтобы скорее нестись в больницу. Лёньки провели врозь четыре дня — почти вечность. Лягушонка впервые в жизни поняла, что не может заснуть без его горячего плеча рядом. Приезжала с едой, фруктами, Леня скакал на костыле по коридору. Его любила вся палата и все отделение: Ленька обладал волшебным даром вызывать у людей теплые чувства и смягчать конфликты одним своим присутствием.

Знаменитый хирург специализировался на спортивных травмах, оперировал множество чемпионов и рекордсменов, кабинет украшали афи-

ши, клошки, бутсы, горнолыжные ботинки, сноуборды, которыми его задаривали благодарные спортсмены. И автографы, автографы везде.

Конечно, хирург был знаком с Учителем и Сэнсеем — Сэнсей у него однажды пришивал какую-то деталь организма. Сэнсей вообще был переломан и зашит в стольких местах, что мог без труда найти в записной книжке специалиста из любой области медицины.

Учитель и Сэнсей пришел на выписку, они сидели с хирургом и Леней и трепались про спорт, разные забавные случаи и, естественно, травмы. Лена ждала в предбаннике. Леня написал ей:

— Маэстро интересуется, где моя легендарная жена.

Лена смутилась: уж ей говорить про спортивные достижения было бы просто смешно, но зашла. Однако Учитель и Сэнсей пропиарил ее по максимуму и велел захватить с собой фотографии с Белого моря. Хирург потребовал автограф, Лена не стала его расстраивать тем, что недостаточно знаменита. Она достала фотографию, где в проруби среди метрового льда торчала ее голова. Часть лица, видневшаяся из-под маски, а именно губы и подбородок, изображала самурайское презрение к смерти и абсолютный дзен. Губы были фиолетовыми от холода, а вокруг шеи по темно-зеленой воде расходилась взвесь из мелких кусочков льда. Хирург посмотрел на фото, его передернуло.

— Расписывайтесь! — сказал он, с состраданием посмотрев на Леню. «Не повезло мужику с женой...» — отчетливо прочла Лена в этом взгляде, исполненном мужской солидарности.

И Лена расписалась в благодарности за коленку любимого мужа. Фотография заняла свое место между кем-то вроде Плющенко и Кабаевой. «Чудны дела твои, господи», — подумала Лена, глядя на такую представительную компанию.

Леня гордился ею, а ей казалось, что он вот-вот поймет: нечем гордиться, она никто, ничто и звать никак, да еще и за маму принимают.

Она немедленно взяла у своей подруги-докторши телефон косметолога, записалась на омолаживающие инъекции. Мышечный каркас и физическая форма не вызывали сомнений ни у кого, а вот мимические складки требовалось немедленно истребить. У нее был железный стимул выглядеть моложе. Даже не стимул — обязанность.

А вскоре сын с женой заехали их навестить и втихаря сказали:

— Скоро, маманя, станете бабушкой.

Лена была счастлива. Но впервые подумала, что ее личному счастью теперь положен хронологический предел: никакой юноша не переживет момента, когда его девушка станет бабушкой.

— Вот стану я бабушкой, и Ленька меня бросит, — сказала она себе. И с этого момента стала ждать — и того, и другого.

После операции они переехали к Леньке. Больному человеку легче жить там, где все привычно. Лена сначала стеснялась, не чувствовала себя хозяйкой. Кругом по-прежнему лежали вещи бывшей жены, наводя на мрачные мысли о том, что сама Лена здесь тоже пребывает временно. Она боялась принести туда лишнюю майку, лишний раз что-то достать и переставить. И с ужасом

видела, что раздражает Леню. Возможно, он не видел ее хозяйкой в своем доме? Трудно было понять. Лена относила это на счет послеоперационного стресса. И ключи от дома бывшая жена так и не отдала, а Леня не спешил сделать новый ключ для Лены, может, не задумывался над этим, может, опасался. Ей неудобно было об этом просить, она уходила и приходила, когда он был дома. Тем более чувствовала себя там гостьей, а не хозяйкой.

А Леня ходил в реабилитационный центр, занимался до потери сознания. Он никак не мог примириться со своей немощью, нервничал, иногда стал срывать на Лену. Однажды она обиделась и даже поехала после работы ночевать к себе. Леня не ожидал такой реакции, приехал к ней на работу, заглядывал в глаза. Лена подумала: «Боже мой, как он боится наказания за малейшую провинность. Глаза отчаянные. Как мне могло прийти в голову обидеться на что-то?» И перестала обращать внимание на его раздражительность.

Выяснилось, что Леня разнес себе ногу именно в тот день, когда они с писателем-японистом решили поехать на турнир по карате в Испании, вдвоем, без баб — то есть без Лены. Писатель-японист не слишком одобрял их союз, хотя виду не подавал. Всячески старался общаться с Леной почаще вдвоем. Сам он был влюбчив, женат не первый раз на женщине намного моложе себя, красивой, яркой, известной. Он категорически не понимал, как может молодой самурай обделять себя радостями жизни, прилепившись к немолодой тетке.

Леня даже не успел ей рассказать о будущей поездке. Вероятно, ему совсем не надо было на турнир

в Испанию. Вероятно, ему не надо было никуда уезжать без Лены. Судьба намекала Лёнькам: «Не расставайтесь!» Им не позволяли удаляться друг от друга на расстояние длиннее взгляда. Как в фильме про беглецов, связанных браслетами со взрывным механизмом. Любая попытка кончалась плохо.

Вместе с порванной связкой закончились амбиции Лени в боевых искусствах: стало понятно, что выше какого-то уровня он подняться не сможет. Лена пыталась его утешать, приводила свой пример: ей тоже пришлось похоронить амбиции аквалангиста-глубоководника из-за больной спины и отсутствия зубов. Сломанная в Дахабе правая нога как раз и явилась результатом несоответствия амбиций и реальных физических возможностей, Судьба объяснила это непонятливой Лягушонке в мягкой форме. Леня был столь же упертым и непонятливым. Он повторил путь Лены, ему так же намекнули, что хватит — только нога оказалась левая. Но никакие аргументы не работали, Леня замыкался и продолжал до полусмерти изводить себя на лечебной физкультуре.

К своему 30-летию Леня уже мог ходить с палочкой. На юбилей Лена вместе с Учителем и Сэнсеем подарили ему меч — неизмеримо более красивый и мощный, настоящее самурайское оружие, совсем другого качества. Леня настолько не ожидал подарка, что пошел в соседнюю комнату вытирать глаза.

— Запомни, — сказала Лена, — мало ли сколько женщин было и будет в твоей жизни, а настоящий меч подарила тебе только я.

Кто ее за язык тянул? Она сама против воли материализовывала возможность разлуки. Страхи,

роившиеся в ее подсознании, невольно прорывались в самый неподходящий момент.

На семейное торжество в ресторане Лена не пошла — она работала в этот день. Конечно, могла бы отпроситься и пойти. Но неопределенность ее статуса — «девушка? жена? любимая тетя?» — не давала ей покоя, она дико стеснялась его родни. Они жили в соседнем доме с родителями Лени, встречались с ними, с братом виделись на тренировках. Но она никак не могла вообразить, что ее — старую Лягушонку — Леня представит семье как подругу жизни. Она думала, что не хочет его компрометировать и расстраивать его родных. Ей было стыдно!!! Стыдно оказаться невзрачной мышью рядом с таким принцем. На самом деле это была гордыня чистой воды. И подсознательное желание услышать от него: «Я тебя люблю, я тобой горжусь, я хочу, чтобы ты сидела рядом в этот день. И плевать на все остальное!»

Леня ничего не сказал по поводу ее отсутствия в ресторане, но видно было, что ему это не по душе. Они оба не умели говорить вслух о том, что неудобно или может задеть собеседника. Им было *неудобно*. И они оба промолчали. Лена не объяснила, почему стесняется идти с ним, а Леня сам не спросил о причинах.

На юбилей кто-то из близких подарил ему открытку, где присутствовало и пожелание найти свою половинку. Лену это задело еще сильнее. Вероятно, он не считал ее своей половинкой? Она снова промолчала.

Тогда случился один маленький эпизод, который Лена запомнила очень хорошо. Они уже легли

спать, в два часа ночи позвонила дочь: она забыла ключи, а дед не открывал. Дед принимал на ночь необходимое ему успокоительное, спал крепко. Два предыдущих приступа случались у него ночью, дочь испугалась и тут же приехала к ним за ключами. Лена увидела внизу во дворе дрожащую фигурку, схватила ключи, они понеслись домой. Папа, конечно же, спал безмятежным сном и не слышал звонков.

Лена навидалась многого — и болезней, и смертей, остаток ночи ее бил ледяной озноб. Предыдущая жизнь не выпускала Лену — или она сама не позволяла себе стать свободной от этих обязательств. Переложить ответственность за здоровье отца на плечи дочери было бы непорядочно. Полностью переехать жить к Леньке она так и не смогла.

Настроение у Лени было так себе, он страшно устал, уговорил Лену плюнуть на все и уехать на новогоднюю неделю на Красное море. Лена не встречала Новый год вне дома с того момента, как родила старшего ребенка. Для нее это было в диковинку. Она радовалась, купила себе платье для праздничного вечера, надеялась на то, что отдых, солнце и Красное море сделают свое дело. Сели в самолет, под ними сомкнулась зимняя облачность, и Лена сказала себе: все плохое кончилось. Пусть это будет самое плохое из того, что с нами может произойти.

Как же это, друзья?

Человек глядит на вишни в цвету,

А на поясе длинный меч!

НЁРАЙ

*Каждую встречу
На нить драгоценную жизни
Спешу нанизать.
Так могут ли думать без страха,
Что разом все оборвется?*
ИДЗУМИ-СИКИБУ

Первый в жизни Новый год на Красном море прошел в шуме и гаме руссо туристо.

Еще в аэропорту они встретились с сыном и его беременной женой, которые улетали в Прагу часом раньше. Лена трещала с ними целый час. Потом ей впервые пришло в голову, что Леня ревнует ее: к детям, к еще не рожденному внуку или внучке. Он не хотел ее ни с кем делить! Она не могла объяснить, что любовь к детям и любовь к нему — это разные вещи. Место, которое он занимает в ее душе, никем отродясь не было занято — это его место, только

его. Но сказать это вслух просто так Лена не могла. Не умела. Она кое-как умела писать стихи. А вот поговорить словами с любимым человеком — увольте. Поэтому она мучилась и строила самые грустные предположения.

Отдых был непривычно тихим даже для них, без приключений, если не считать того, что их негабаритный багаж с ластами ухитрились потерять в аэропорту Шарма. Лена всегда полагала, что потеря денег, вещей, чего-то материального — это взятка судьбе за то, чтобы не случилось худшего. Она легко простилась с ластами ручной работы, сделанными знаменитым киевским ныряльщиком для нее лично. От чего-то откупилась, не иначе.

Море поштармливало, вход с понтонов в воду для Лени был сложным, но он понемногу плавал, разрабатывал ногу и отлеживался на солнце. Его одолевали эсэмэсками и звонками то студенты, то родственники. Казалось, что нервное напряжение, не оставлявшее Леню в Москве, постепенно спадает. Лена гнала от себя мрачные предчувствия, хотя одна и та же мысль регулярно всплывала в голове: я стану бабушкой, и Леня меня бросит.

Ему дозвонилась институтская подружка, владелица турфирмы, и предложила опять-таки горящую путевку в Таиланд, но на одного человека. Туда улетали ее приятельницы, одно место освободилось. Леня с опаской спросил Лену, отпустит ли она его одного.

— Конечно, лети, Лидка все вылечит, — в шутку сказала Лена, на что Леня обиделся. —

Тебе только на пользу пойдет еще неделя отдыха. Теплый океан, солнце, сама бы поехала, да на работу уже надо.

Лене было как раз на руку уехать в студенческие каникулы. Они вернулись в Москву, через день он улетел в Таиланд. Лена провожала его, они обнимались в зале ожидания, впервые она испугалась, что он там встретит другую женщину и не вернется к ней. Она приказала себе не думать об этом. Леня писал ей оттуда, звонил, скучал, рассказывал, где был, что видел. Привез кучу мелких подарков и сувениров, был ласков и нежен. Показывал фотографии, среди достопримечательностей мелькали две московские спутницы — блондинка и брюнетка. Хорошенькие. Лена смотрела на фотографии и думала: «А ведь могло быть что-то. Ну пусть. Даже если так, он имел на это право. Он свободный человек и имеет право на все. Я сама научила его быть свободным. Я его не держу...» — и это была очередная ложь. Она готова была держаться за него всеми правдами и неправдами, но не могла себе в этом признаться. Не могла поступиться принципами.

А вскоре после этого — впервые за их совместную жизнь — Леня позвонил ей на работу, сказал, что ему завтра рано вставать и чтобы она ехала ночевать к себе.

Это повергло Лену в шок. Она страшно обиделась, Леня приехал рано утром, кинулся к ней как безумный, целовал-обнимал — и она оттаяла.

Неделя в Паттайе с двумя очаровательными девушками, обстановка безмятежного

флирта, естественно, привела к тому, к чему не могла не привести. Все было так легко и безмятежно, без какого-либо намека на обязательства, случайно и просто, что он почувствовал сначала легкость, а уж потом жгучий стыд. Он не мог поверить в то, что обманул Лену, причем просто так.

В начале их романа, еще когда они только встречались втихаря, Лена пару раз слышала, как он что-то безыскусно врал жене. И тогда она взяла с него клятву:

— Если у тебя кто-то появится, ты мне сразу скажи. Не хочу оказаться в положении твоей жены, я теперь хорошо знаю примитивный набор мужских отговорок.

Он не понимал, как это могло произойти, стыд и чувство вины начали его жрать. Временами продолжал встречаться с тайской подружкой — не понимая зачем. Становился раздражительным, грубил, потом просил прощения. Лена относила это на счет общей усталости и стресса, не изжитого после операции.

Через неделю после своего возвращения Лена позвал ее в кафе среди бела дня и долго молчал, потом выдавил сквозь зубы:

— Я вчера узнал такую вещь, к которой не могу до сих пор сформулировать отношение. Моя бывшая жена родила ребенка.

Лена мгновенно посчитала в уме и договорила за него:

— Прошел год с небольшим после того, как вы разошлись. Ты хочешь сказать, что она ушла

от тебя не в никуда, а к другому человеку? Бедный мой.

— Я не хочу это обсуждать, — с каменным лицом пробурчал он и уткнулся в капучино.

Лена чуть не расплакалась: она знала по рассказам, сколько времени Леня мечтал о детях, и пожалуйста — стоило бывшей жене поменять Леню на другого мужчину, и все случилось мгновенно.

— Я могу обещать тебе только одно: если захочешь, я рожу тебе дочку, — отвернувшись, прошептала она.

Потом сама себя поедом ела за опрометчивое обещание: да сколько ей лет, старой дуре, разве имеет она право поступить так безответственно? Физиологически Лена находилась еще в детородном возрасте и даже — если повезет — могла бы зачать и выносить здорового ребенка. Но где гарантии, что она проживет еще хотя бы лет двадцать, чтобы вырастить это дитя? Где гарантии, что оно родится здоровым? С возрастом риск рождения больного потомства возрастает в геометрической прогрессии. А родить больного ребенка и превратить жизнь любимого человека в ад, из которого нет выхода, да еще повесить ему на шею себя — старую и немощную... Лена видела много поздних детей: в научной среде ее родителей женщины заводили детей заведомо после 40, и редко у кого дети получались здоровыми. Она захотела от него ребенка с самого первого дня их романа, они много говорили об этом, и подруга-доктор пока еще разрешала ей

рожать. Но сама Лена понимала, что риск слишком велик.

По дороге на работу ей пришла в голову неожиданная мысль.

— А если честно, это не твой ребенок? — написала она.

Леня некоторое время переваривал ее вопрос, потом холодно ответил:

— Если это шутка, то мне было не смешно.

Лена поняла, что сделала страшную глупость, и больше не затрагивала болезную тему.

Она видела: юный самурай разом повзрослел. Люди взрослеют от двух вещей: первая — когда умирает кто-то из близких, и ледяной ветер вечности начинает дуть в твой собственный затылок; вторая — когда ты понимаешь, что сам хрупок и недолговечен.

Жизнь Лены сложилась так, что она очень рано ощутила и первое, и второе; Леняка стремительно повзрослел рядом с ней, судьба подсовывала ему один экзамен за другим. И он смотрел уже другими глазами и на родительскую семейную жизнь, и на свою предыдущую семью, и на их отношения с Ленкой.

А Лена видела, что Леня уже готов обращать внимание на других женщин — не потому, что разлюбил ее, а потому, что других женщин много. В тот день в кафе обоим стало очевидно: его ровесники всюю рожают детей, а у Лены скоро родится внучка.

Произошло то, о чем его честно предупреждала Лена: всему свое время, и в 30 положено гулять со своими детьми, а не с чужими внуками.

Тогда он не прислушался к ее словам, ошеломленный любовью. Теперь снял розовые очки — и она стала его раздражать. Он устал. Ее было много — вернее, много было того, что связано с нею. Наверно, раздражали ее взрослые дети, которые вечно грузили мать проблемами и просили денег. Лена молча выдавала нужные суммы.

Ближе к весне сын Лены начал искать квартиру, собирался брать ипотечный кредит. Леня понимал, что половина финансовых тягот ляжет на плечи его Ленки, но не мог сказать ничего плохого про ее детей — это было табу строжайшее. И продолжались редкие встречи с тайской подружкой, причем вроде они были ни к чему не обязывающими — но и отказаться он не мог и не хотел. А на работе женщины словно почували: эта безупречная особь мужского пола теперь открыта для сотрудничества. И окружали его со всех сторон, делали авансы.

Лена чувствовала: что-то произошло. Не спрашивала — он бы не сказал, вытягивать признания не хотела, да и какое она имела право? Кто она ему? Не бросает — и спасибо, значит, нужнее, чем другие. Хотя не могла вообразить, что ему может быть с кем-то так же хорошо, как с ней. Страх потерять его только укреплялся. И усиливался фактом грядущего перехода в статус бабушки.

Будущее рождение внучки было событием радостным, фантастическим для еще молодой женщины. Невестка легко переносила беременность, лучшая подруга-гинеколог при-

стально наблюдала за ней, все было хорошо. Подруга назначила дату рождения внучки — и Лена невольно сама назначила в подсознании дату разлуки с Леной, впрямую связав одно с другим.

Она стала совершать ошибки, о которых написано множество разных книг: спрашивать, не разлюбил ли он ее, почему он такой мрачный, хочет ли он ее сегодня видеть или ей поехать к себе домой. И все чаще уезжала после работы домой — Леня ссылался на то, что вставать рано, занят. Она понимала, что эти отговорки означают совсем другое, но не решалась спросить в лоб.

А при этом они собрались на Белое море в конце марта — и все же поехали, вопреки Лениной непрошедшей хромоте. Он впервые увидел живьем то, что раньше Лена показывала на фотографиях или видео, — фантастически красивый закат, бесконечные снежные поля, лед метровой толщины, безбашенных ныряльчиков. Он не мог нырять, конечно, но рубил майны вместе с остальными мужиками, страховал Лену, когда она ныряла, поправлял ей маску, помогал стаскивать гидрокостюм. Обнявшись крепко-крепко, они ехали в санях, прицепленных к «Бурану», вечерами уходили смотреть на закат далеко от базы, в тихую бухту. Лена переживала, как Леня на хромой ноге будет вышагивать по снегу, доходившему до бедра. Он только смеялся и помогал, когда Лягушонка проваливалась по пояс. Заполярье поразило его, идиотизм и драйв подледной

нырялки захватили так же сильно. Он возился с детьми и собаками, к концу недели его обожала вся база.

В последний день нырялки все пытались установить личные и общечеловеческие рекорды. Лягушонка страшно нервничала, боялась опять порвать ухо. После первого разминочного нырка она высунула из проруби голову, попросила Леньку убрать ей волосы под маску и тихо спросила:

— Если я не поставлю никакого рекорда, ты не станешь меня меньше любить?

Леня только развел руками и молча погладил глупую лягушачью голову в блестящем неопреновом капюшоне.

С него взяли клятву поехать на следующий год и нырять вместе со всеми. Путешествие на Белое море было каким-то новым этапом: судьба снова слепила их в такой узел, который развязать или разрубить было невозможно. Леня вернулся оттуда полный сил, рассказывал, где был и что видел, показывал фотографии редкой красоты, фонтанировал, стал снова веселым и неунывающим. Лена радовалась — в их жизнь вернулась прежняя легкость.

В ту же весну Учитель и Сэнсей попал в больницу, прямо с тренировки его увезла «скорая». Лена поехала с ним и всю дорогу ругалась последними словами:

— Не смей помирать! Не смей при мне хрипеть, я ненавижу предсмертные хрипы... — И Сэнсей все-таки не умер по дороге.

Откуда-то немедленно взялся Ленька и привез вещи, деньги, тапочки — все, что человеку нужно в больнице. Она в очередной раз подумала: «Нет таких других людей больше, он всегда оказывается рядом, когда нужна помощь. Какое чудо мне послал бог». Смотрела на него как слабый мальчик Фродо на Великое Кольцо — ощущая важность этого дара и свое несоответствие ему.

Съездили на майские праздники в Киев. Радовались, что Ленька опять может подолгу ходить пешком, беззаботно пили кофе на улице, покупали сувениры. Но Лену не отпускало чувство, что поездка — всего лишь временная пауза перед периодом больших проблем.

И действительно, в мае у Лены начались хлопоты: денег на квартиру не хватало, Лена тоже полезла в кредит. Леня не одобрял этого категорически, но сделать ничего не мог — материнский долг стоял у Лены на первом месте в системе ценностей. Он никак не мог взять в толк, на каком месте располагается в этой системе приоритетов он сам. Думал: «Зачем я ей нужен, родится внучка — она всю любовь перенесет на нее. На меня ни сил, ни времени не останется. Зачем я ей — неудачник, здоровья нет, даже заработать не могу толком». На самом деле невольное предательство продолжало глодать его душу, он не мог ей признаться: знал, что не простит, и не мог сам себя простить. И тоже боялся.

Лена искала кредит, оперировала в разговоре большими суммами. Он расстраивался и злился еще и потому, что сам в этот момент был

крайне стеснен в средствах: в результате хитрой биржевой игры попал на деньги. В какой-то момент Лена пала духом. Ей позарез нужна была поддержка, но Ленька проявился только вечером, когда Лена, не дождавшись звонка, уже ехала к себе.

— Ты к себе или ко мне? — спросил он.

Лена обиделась смертельно:

— Если бы ты хотел меня видеть, ты бы позвонил раньше и сказал: приезжай. А сейчас я еду домой.

— Ты чем-то расстроена?

— Очень расстроена, мне не дали кредит в Промсвязьбанке. У ребят на днях сделка, если я не найду нужную сумму, я их подведу, они останутся без квартиры.

— Не расстраивайся, — пытался ее утешить Леня, — образуется.

— Знаешь, Леня, — жестко сказала она, — если ты не можешь мне помочь найти 70 тысяч долларов, то предоставь мне решать мои проблемы самой. А сам разбирайся со своими проблемами.

Поняла, что ляпнула сгоряча что-то крайне обидное, но извиняться было поздно. Леня проглотил и попрощался.

Его первым желанием было — никогда больше не звонить ей. Ему не было дела до финансовых проблем ее сына. Ему вообще не хотелось больше ее видеть и слышать. Ярость требовала выхода.

На ближайшем студенческом празднике Леня, выступавший там в разных ипостасях, скле-

ил студентку, которая давно его добивалась, и провел с ней два выходных. Лене что-то наврал про дачу, она поверила. Или не поверила. Ему было все равно. Нет, наоборот: ему хотелось, чтобы она это знала.

Лена получила наконец искомый кредит и спросила в упор:

— Ты совсем не рад за меня?

— Кредит еще отдать надо, Лена, — мрачно ответил он.

Лена проглотила эту фразу. Сейчас ей важно было помочь сыну.

Так они начали наносить друг другу раны — спарринг переставал быть спаррингом, превращался в полный контакт.

Лена глотала фразу *«я хочу побыть один...»* — хотя прекрасно знала, что это означает на языке мужчин. Ее предыдущий опыт показывал, что после такой фразы надо идти к подруге-гинекологу сдавать анализы. Она не замечала ничего. Как минимум два раза в неделю теперь ночевала дома одна — Леня по каким-то причинам не хотел ее видеть. Обижалась на него, но решительно не могла без него жить. И опять начала по вечерам плакать в душе — от страха перед неизбежным.

Накануне рождения внучки дети оформили долгожданную сделку. Лена нервничала, сидела поздно на работе и написала Лене письмо, в котором наконец смогла сформулировать: «Что у нас случилось? Ты меня разлюбил?»

Они часто переписывались, помимо постоянного перезвона и постоянных эсэмэсок

по поводу и без. Им всегда не хватало общения, и каждые полчаса они что-то обсуждали устно или письменно. Увидел — написал, услышал — позвонил. Долго не решалась отправить, под утро вообще всякая блажь в голову лезет, три часа ночи — сумеречное время души. Отправила.

На следующее утро пришла на работу и получила ответ. Прочтя его, сначала не поверила своим глазам: «Да, что-то случилось и что-то изменилось, — писал он, — но я всегда буду любить тебя, ты самая необыкновенная женщина на свете, никто не сделал для меня столько, я не могу без тебя жить, ты мой самый близкий друг, никого нет дороже тебя...»

Бескомпромиссная комиссарская внучка не видела оттенков, для нее существовало только «да» и «нет», черное и белое. Она поняла текст однозначно. Распечатала, взяла листок с собой и пошла в спортзал. Чуть позже к ней присоединился Миша, рассчитывавший на дружеское кумите вполсилы. Миша пригляделся и увидел немислимое: маленькая ниндзя в черном кимоно яростно рублила воздух руками и плакала.

— Наш хромой самурай разлюбил меня и уходит, — объявила Лена, — поддержи макивару.

Миша был верным другом, он взял макивару и честно стоял, пока Лена лупила по ней с диким утробным «Ки-ай». Если бы ей пришлось сейчас брать дворец Амина — она взяла бы его голыми руками. Миша устоял.

А вечером позвонил сын Лены и объявил, что она стала бабушкой прелестной внучки.

Лене снесло чердак от всего разом. Ее дети праздновали радостное событие в своей компании, папа был в командировке, ехать в пустой дом она не могла. Впервые за последние четыре года она пришла к Мише с Любой без Лени, они отмечали ее переход в новое человеческое качество, пили чай на кухне, и никто не мог поверить, что Леня ее больше не любит.

Лена дождалась выписки внучки из роддома и немедленно забронировала себе поездку на Белое море. От бед у нее было проверенное средство — глубина, море, одиночество. Случилось то, что она и предполагала. Она стала бабушкой прекрасной здоровой девочки — и Леня ее бросил. Если что-то тебе дают — значит, другое отбирают. За все надо платить. Лена, как всегда, была заранее готова заплатить своим счастьем.

*Стебли морской капусты.
Песок заскрител на зубах...
И вспомнил я, что старею.*

БАСЁ

БЕЛОЕ И КРАСНОЕ МОРЕ.
GAME OVER

*Опала листва.
Весь мир одноцветен.
Лишь ветер гудит.*

БАСЁ

Запланированное Леной бегство в спасительное Заполярье было преждевременным. Леня не выдержал и суток разлуки. Он атаковал ее письмами, эсэмэсками, звал куда угодно, требовал встречи — а она отвечала: «Нет, нет, нет! При такой разнице в возрасте все держалось только на любви, раз ее больше нет — зачем?» Смертельная обида на мужской род обрушилась на Леньку, она стояла в боевой стойке и отвечала: «Нет, нет, нет!»

— Ты часть моей жизни, — твердил он, — я не могу без тебя... ближе тебя у меня никого нет. *Мне больше не с кем поделиться...*

И это была правда. Они слишком долго смотрели на все одними глазами. «Не потому, что от нее светло, а потому, что с ней не надо света...» — как писал Анненский, это было одним из любимых стихотворений Лягушонки.

Неприятности валились на голову: он продолжал терять деньги в результате своих финансовых игр, был должен немислимую сумму. Вдобавок у него отобрали права за пересечение двойной сплошной на глазах у ДПС — у него, человека-кентавра, который сначала садился за руль, а потом просыпался. Судьба снова предупреждала: «Не расставайтесь, нельзя, опасно для обоих!» Он писал ей, рассказывал про свои бесконечные неприятности, а она отвечала:

— Вот она, твоя свобода, вот твое долгожданное одиночество, я тебя предупреждала: свобода — вещь жестокая. Ешь ее полной ложкой.

Все произошло одновременно — и рождение внучки, и роковое письмо, и очередной приезд японца-основателя стиля. Наступило время раздачи поясов и грамот. Лена должна была сдавать экзамен на черный пояс по одной из прикладных дисциплин.

Она отказалась идти и на семинар, и на аттестацию:

— Все — значит, все, какое уж тут карате.

Леня писал ей, упрашивал:

— Приди, сдай, получи черный пояс, я же сам тебя учил.

Миша с Любой видели, что несчастные влюбленные мучаются, не могли помочь. В кон-

це концов Лена встала в метро перед бронзовым изваянием его бабушки-парашютистки, взялась за отполированный край парашюта и сказала:

— Мы с тобой одной крови, я и ты. У тебя были дети от разных браков, и у меня. И ты, и я — мы обе знаем цену жизни, много рисковали, много теряли и сильно любили. Я нужна твоему внуку, он нужен мне, мы любим друг друга, помоги нам, пожалуйста!

Ей нужно было получить разрешение сверху — она его получила и наконец позволила себе поступить так, как просило сердце. Они договорились встретиться в метро и поехать на экзамен к японцу. *Вместе*. Леня был бледен до темно-серого оттенка, исхудал, в глазах ужас и печаль, в метро он вцепился в ее руку и не отпускал.

Лена сдала экзамен, победила соперницу в кумите, ей присвоили законный первый дан по прикладной дисциплине — бо-дзюцу, работе с окинавским длинным шестом. После аттестации он отчаянно спросил, уже в метро:

— Ты к себе или ко мне?

Лена поехала к нему. Увидела пустую раковину с одной тарелкой, бутылки в мусорке и неразобранные вещи, которые лежали тут еще две недели назад, поняла: он не жил без нее. От тоски по вечерам пил в одиночку пиво, вино, чего не делал много лет. Закрылся от всех. Тупо ждал.

Утром за спиной Лени снова выросли крылья, он надел белую рубашку и, счастливый, со-

бирался на лекцию в академию. Вечером был банкет, потом они заехали к Мише с Любой и рассказывали, как Лена получала 1-й дан. Леня лично вручил ей черный пояс, объяснив, что настоящий, именной пояс привезут из Японии: там всем, кто получил очередной дан, вышивали золотом имя и фамилию по-японски. Леня и Миша гордились ею. Лена сидела потерянная и испуганная, не понимала, за что ей дают черный пояс — за то, что она научилась с горем пополам махать ругами-ногами и драться, или за внучку, или за то, что ее любимый почти бросил ее, да вернулся в последний момент. И не радовал ничего, она опять не знала, что будет завтра. Неизжитое предчувствие жрало изнутри по-прежнему.

Дети Лены, равно как и ближайшие подруги, опешили от скорости, с которой случилось и внезапное расставание, и внезапное примирение с Леной. Они дружно сказали: бывает, приревновал к внучке, пройдет. *Слава богу, что все разрешилось.* Хотя не было в их окружении человека, который не подумал бы: *«Все равно однажды это должно было кончиться».* Но вслух пока никто этого не произнес.

Она сказала Лене, что собралась на Белое море и не будет отменять поездку: ей надо побыть одной, сунуть голову в холодное море и ни о чем не думать. Медитация и концентрация.

Леня не стал возражать, вскользь обмолвился, что собирается летом в Анапу на неделю, к другу детства, скорее всего с приятелем.

Как потом поняла Лена, во время короткой разлуки он пообещал своей новой девушке, что поедет на юг с ней. И билеты были заказаны, но признаться в этом Ленке он не мог. И не мог признаться новой девушке Тане, что он вообще-то не один на белом свете. Таня ничего не знала о существовании другой женщины в его жизни. А он не знал, нужен ли он еще Ленке, и полагал, что появление внучки затмит все на ее горизонте. Леня запутался окончательно, и временная пауза ничего не означала.

Лена до последнего сомневалась, стоит ли уезжать. Думала, что после выписки из роддома молодым родителям потребуется помощь. Однако убедилась, что сын с невесткой справлялись сами, да и рядом постоянно была другая молодая бабушка. Лена не ревновала: она сама выросла среди жесточайшего комплекса «свекровь-невестка», ни в коем случае не хотела лезть в жизнь детей с помощью, о которой не просят. Очевидно, невестке легче было обратиться к родной маме.

Ощущая себя никому не нужной, она улетила на Белое море. Это было ошибкой, Лена опять не прислушалась к своей интуиции и сознательно шла навстречу неизбежному. Мудрая женщина ни на секунду мужика бы не оставила. Гордыня не позволила Лене сдать билеты. Едва самолет приземлился в Мурманске, ей пришла эсэмэска: «Я тебя люблю!»

Лена поняла, что два года любовь сопровождала ее везде. И так испугалась, что может остаться без невидимого защитного поля... Теперь

она писала ему нежные эсэмэски. И скучала страшно, и жалела уже, что поехала одна. На базе опять почти никого не было. Лето на Белом море оказалось столь же прекрасно, как и любой другой сезон, но печаль и сомнения не оставляли до возвращения.

Они продолжали жить вместе, Леня периодически выпадал из поля зрения. Она никогда не пыталась его контролировать и поэтому старалась об этом не думать. Но понимала: существует причина, по которой у нее так и нет ключа от его квартиры.

А Леня все глубже увязал в связи с Таней, считавшей, что он одинок, холост и является абсолютным кандидатом на скорую женитьбу. Он не знал, как это прекратить! И надеялся, что само собой рассосется.

В августе Лена с Леней собрались снова на Красное море, в Дахаб. По срокам поездки в Дахаб вплоты приближалась к его давно запланированной поездке в Анапу. Леня настоял на том, чтобы они поехали отдельно от подводной компании, раньше на несколько дней. Опять стал дерганным, нервным. Однако в Дахаб они все же улетели. Вдвоем.

Лена стала его учить нырять по всем правилам, так, как учили ее саму. Они уезжали с утра из отеля и возвращались вечером, смотрели кино или просто отдыхали. Леня выяснил, что нырялка отнимает очень много сил. Ему было и тяжело, и временами страшно, потому что нога плохо слушалась, но он скорее бы умер, чем показал свой страх Лене. Приходилось отвечать на

эсэмэски Тани, которая думала, что он поехал нырять один, приходилось на пляже отходить в сторону и говорить с ней по телефону, убеждая, что все хорошо.

А рядом была Ленка — то белых шортах, то в моноласте. Вилявшая хвостом между рифов как морское животное. Выглядевшая почти его ровесницей. Они ныряли в паре, вылезали из воды, стояли на полоске мокрого песка и слушали из двух наушников музыку и подпевали хором:

— Под небом голубым есть город золотой...
И это было счастье.

Лене казалось, он с кем-то сравнивал ее. Она понимала, что раньше, еще год назад, в том же Дахабе, она была для него необыкновенной женщиной, Царевной-лягушкой, каких на всем белом свете больше нет. А теперь все изменилось, хоть обныряйся тут, хоть наизнанку вывернись — ни лучше, ни моложе не станешь.

Лежа на пляже, они заговорили о внучке, Лена грустно призналась:

— Я думала, что моя жизнь изменится после ее рождения.

— Я тоже думал, что твоя жизнь сильно изменится после этого, — мрачно пробурчал Ленька.

Лена замерла: то ли он боялся, что появление внучки вытеснит из ее жизни все остальные эмоции, то ли, наоборот, надеялся, что Лена займется ребенком и оставит его в покое?.. Но уточнять не стала.

Ленька нырнул в последний день в Блю-Холле на задержке дыхания на 25 м. Для новичка этот результат был просто превосходным. Лена гордилась этим больше, чем если бы сама нырнула на 50. Она была счастлива. Ее возлюбленный был настолько необыкновенным, что мог решительно все. Его нельзя было ни с кем сравнить. Они стали напарниками под водой, страховали друг друга во время нырков, и уж теперь-то он никогда ее не предаст и не бросит! Она любила его и гордилась им еще сильнее, хотя сильнее было уж и некуда. И мелькнула мысль — а не ради нее ли он нырял на эти 25 м? Впрочем, она отогнала эту мысль: Ленька был тоже самолюбив как черт и наверняка доказывал не ей, а самому себе, что может все невзирая на хроющую ногу.

Приехали ее друзья, Лена рассказала им о достижениях своего Лени, они дружно закричали:

— В следующий раз едем с нами, и на Белое море теперь непременно, хватит делать вид, что ты просто сопровождающий.

— Смотри, тебя за своего держат! — радостно сказала ему Лена.

Леня мрачно ответил:

— Это только потому, что ты рядом.

Лена опешила — и от мрачности, и от комплексов, которые, судя по всему, продолжали жрать ее возлюбленного.

А по ночам засыпала, дрожа от счастья, у него на плече и просила только об одном: пусть чудо длится как можно дольше, я чуть не

потеряла его. И он шептал во сне: «Моя, моя Ленка...»

Судьба не хотела их выпускать из Дахаба — оттуда, где они еще были вместе и еще были счастливы. Автобус, который должен был их забрать из отеля, сильно опаздывал, и пришлось взять первое попавшееся такси. В Дахабе, как и на всем Синае, существует вялотекущее военное положение, без должной бумажки выезд из городка был запрещен. Таксист оказался придурковатым, не имел нужной бумажки, по глупости попытался объехать шлагбаум КПП и наварлся по полной форме: на автоматчиков и нешуточные неприятности. Леня закрыл плечом Ленку и выставил вперед челюсть — он был готов защищать ее от всего мира, Лена прочла эту мрачную решимость на его лице. Обошлось. Благодаря звонку какого-то местного товарища сверху их благополучно выпустили. Когда они отъехали на пару километров от КПП по пустынной ночной дороге, Леня схватил ее в охапку и, глядя в глаза, спросил:

— Женщина! Нет таких других! Ну с кем еще такое может произойти? Только с нами двоими.

Лена промолчала. Это была сущая правда — все, что происходило, могло произойти только с ними двоими.

Они вернулись из Дахаба дочерна загоревшие и довольные друг другом. Тут Леня опомнился и пару дней мучился, не решаясь сказать Лене правду. Сделал вид, что заболел, не хотел ее видеть, она рвалась оказать помощь, как полная идиотка, варила куриный бульон и

приносила лекарства. А вслед за этим Леня улетел в Анапу. С Таней.

Писал оттуда удивительно нежные и трогательные эсэмэски, говорил, как счастлив был с Леной все два года, как ничего не было счастливее в его жизни, чем день рожденья в Паттайе. «Люблю, люблю...» — звучало в каждой строчке. Он проводил время с другом детства и Таней, им было там легко и весело, хотя страшно не хватало Ленки. О чем он ей регулярно сообщал в смс-форме.

Лена чувствовала: все рухнет. Не могла сформулировать причину. Не хотела. Сформулируешь — рухнет.

Она уже не знала, что еще сделать, чтобы только Ленке было приятно находиться рядом с ней. Собственный экстерьер был улучшен по максимуму благодаря косметологу, пришел черед интерьера. Затеяла ремонт на кухне. При ее тяжелой аллергии находиться в квартире было бы невозможно. Написала:

— С такого-то числа мне разносят стены, я перееду к тебе на это время?

Леня вежливо уточнил:

— На сколько ты планируешь ко мне переехать и с какого числа?

Вопрос ее потряс. Она гневно ответила:

— Когда ты пришел ко мне два года назад с кимоно и зубной щеткой, я не спрашивала, сколько продлится твоя любовь.

Он вернулся, но не приехал сразу к ней, а назначил встречу в кафе. Измученная предчувствиями, Лена пришла туда — и услышала то, что

должна была наконец услышать: разлюбил, не видит с ней будущего.

Лена ушла, шатаясь и пытаясь плакать, но слез не было. Потом посидела в одиночестве, подумала — и ночью поехала к нему. Привезла плюшевого медведя, которого он клал под голову вместо подушки. Сказала :

— Попробуй прогони меня. Я без тебя не могу, ты мое счастье, ты все для меня. Полюбишь другую — я уйду сама.

Они стояли обнявшись в темноте. Обоих опять трясло, как от прикосновения к оголенному проводу. И еще неделю были приварены друг к другу этим высоким напряжением, хотя Леня временами исчезал, писал, что должен побыть один.

В какой-то вечер попросил ее приехать, встретил словно после долгой разлуки, обнимал, носил на руках. Лена поняла, что он сделал внутри себя какой-то важный выбор. Ни о чем не спросила.

Они переплелись корнями и смотрели на мир одними глазами, попытки выдрать эти корни и глаза были смертельными для обоих. Она обещала два года назад, что никому его не отдаст!

Лена вечером собралась к нему после работы, но услышала опять: «Я рано встаю, буду спать, езжай лучше к себе».

Обиделась смертельно. Рано утром он позвонил:

— Я в подмосковной больнице, тут одной даме с кафедры делают операцию, я кровь сдавал и еду к тебе.

Приехал весь белый, шатаясь от слабости. Лена накормила его и уложила спать, он заснул, с повязкой на руке, тыкаясь лбом в ее ладонь. Она корила себя за дурные предположения. Судя по всему, Леня сделал выбор. Решительный и бесповоротный.

Но тут Таня почуяла неладное, попросила о встрече — и он не смог ей отказать. И не смог устоять. Не позвонил Ленке совсем.

Она весь вечер ждала звонка и потом не могла спать всю ночь. Утром поехала к нему. Звонила в дверь — ключа у нее так и не было, а Леня не открывал — ему было некуда деться. Она отправила эсэмэску:

«Тебе все равно придется выйти. Леопольд, выходи.»

Он не отвечал. Пытался дать шанс ей — больше, чем себе. Он знал ее как облупленную. Два самурая сошлись на дистанции, при которой *ай-учи* — взаимное убийство — неотвратимо.

Лена, смеясь над водевильной ситуацией, впервые в жизни сидела под окном у возлюбленного, который в это время был с другой. Наконец пришла эсэмэска:

«А если я с другой женщиной и не могу выбрать, кто из вас мне дороже?»

«Придется выбрать и выйти. Я буду ждать. Мне уже все равно.»

Она замерзла и пошла в кафе рядом с его домом. Леня собрал остатки мужества и появился там, едва она успела заказать кофе. Разговор был

коротким — Лена не оставила шансов никому. Это была последняя схватка. Японская поговорка гласит: милосердие находится на острие твоего меча. Маленькая ниндзя не знала милосердия ни к себе, ни к другим.

Она спросила в лоб и получила ответ, который не могла не получить:

— Да, есть другая, моложе, конечно. Да, ездил с ней вместе в Анапу.

— Почему врал?

— Не знаю.

— Почему сразу не сказал?

— Потому что не могу без тебя. Хотел прекратить — не смог.

— Зачем хотел прекратить?

— Потому что не могу жить без тебя, ты часть моей жизни.

— Почему не смог прекратить?

— Не знаю...

— Я обещала, что никому тебя не отдам, но ты сам не хочешь быть со мной. Я обещала родить тебе дочку, но ты не видишь со мной будущего и не хочешь иметь от меня детей. Я нарушила оба своих обещания. Тебя ничто не держит. Есть другая — иди к ней, тебя никто ни в чем не упрекнет, каждый на твоём месте поступил бы так же. В начале нашего романа я тебе перечисляла свои недостатки, ты помнишь, каков главный: меня можно бросить, и я от этого не умру. Запомни: ты ни в чем не виноват.

Она сама приняла решение — по вечной привычке брать ответственность на себя. Ее никто не просил принимать это решение. Она по-

ступила так сама. И Леня знал, что пощады не будет: Лягушонка уже выставила вперед челюсть. И он встал и ушел, попытавшись поцеловать ее на прощанье. *Game over.*

Лена приехала на работу, пришла к Учителю и Сэнсею и сказала:

— Ленька меня разлюбил, у него есть другая.

Сэнсей налил ей чаю, посидел с ней, потом сказал:

— Бери меч.

И два часа гонял Лену по пустому додзе, пока она не перестала воспринимать ничего, кроме его отрывистых команд.

Самурай всегда поможет самураю. Лена отчетливо понимала в тот момент только одно: если бы она собралась сейчас сделать ритуальное сеппуку, то Учитель и Сэнсей, не дрогнув, снес бы ей башку отточенным движением. Но она все же не стала доставать чистую тряпочку и заворачивать в нее меч. Хотя вакидзаси на стенах висели.

*Бабочкой никогда
Он уж не станет... Напрасно дрожит
Червяк на осеннем ветру.*

БАСЁ

СОБСТВЕННО ЧЕРНЫЙ ПОЯС

*На тысячи мелких кусков
Сердце мое расколосось, —
Так сильно тебя люблю я.
Ужель ты не знаешь об этом?*

ОТОМО-НО ЯКАМОТИ

Воистину когда боги хотя наказать кого-то — они лишают разума. Разум отказался функционировать, Лена впала в тихое помешательство. Ремонт шел сам собой, жить дома она не могла из-за аллергии на пыль, заходила кашлем, как только появлялась там. Рабочие смотрели на нее как на сумасшедшую — ей было решительно не до кафеля. Лене оказалось негде ночевать, а ближайшая подруга из соседнего дома уехала отдыхать. Она чувствовала себя бездомной собакой, которую на пару лет пригрели, а потом сменили на молодую и более породистую.

Писала Лене отчаянные письма и эсэмэски, на которые он отвечал — хотя и не сразу. Она исполняла прежде никогда не исполнявшуюся ею партию «Вернись, я все прощу», и от этого, естественно, не было проку.

Все время его ждала как безумная, не могла есть и спать, от бессонницы лицо стало землистым, глаза ввалились, не разговаривала ни с кем, на работе сидела в прострации и засыпала раз в неделю на валерьянке. Могла часами повторять одно и то же как заведенная. Ее проводывала близкая подружка Ольга, заходила перед работой, смотрела — жива ли? Не сошла ли с ума?

Лена была отвратительна самой себе — как полураздавленное животное. Ее мир рухнул. Она впервые позволила себе так слепо и безоглядно полюбить — и за это была наказана. Два года назад она увела мужа у молодой красивой женщины — теперь другая молодая красивая женщина увела его у Лены. Лена взяла чужое, потом дала слово — и нарушила свои обещания, за это теперь надо платить. Все было справедливо.

Она не понимала только одного: как можно перестать быть родными с такого-то числа, если между ними существует уже давно высшая степень родства?

Лене казалось, что ее разрубили пополам мечом, а половина так и болталась на сухожилиях и сосудах, не отрываясь и не прирастая. А голову никто из гуманизма не решается отрубить.

Все совместные тренировки пошли побоку: Леня с тех пор ни разу не появился ни на айкидо, ни на занятиях с мечом, Лена забыла дорогу в их общую школу карате. Вид человека в кимоно приводил ее в отчаяние: она ни с кем не могла его сравнить. Едва брала в руки меч, как вспоминала: они с Ленькой работают в паре, между ними мгновенно возникает то самое ощущение «кикентай» — единства, когда оба самурая смотрят друг другу в глаза и предугадывают каждое движение, каждый вздох. Ни с кем и никогда она не могла добиться такой слаженности и такого единения.

Гармония, которой оба тщетно пытались достичь всю предыдущую жизнь, которую полагали лично для себя невозможной и которая открылась им обоим, была разрушена. Кому мешала

гармония двух людей? Ответа не было. Кто ее разрушил? Лена боялась признаться себе в том, что сама выступила в роли Конана-разрушителя. И наивно полагала себя брошенной и преданной. По возрастным признакам.

Ей казалось, что вся ее жизнь — цепь нелепых неудач. Возраст внезапно обрушился на плечи: было 27 — и вдруг в одночасье стало 48. Отчетливо замаячила перспектива опять превратиться в стареющую тетку с сумками, отвращение к самой себе и собственной жизни достигло критической стадии. Впервые поняла, как умирают от инфаркта абсолютно здоровые мужики, — просыпалась ночью и чувствовала, что спазм сейчас захватит сердечную мышцу и все. Свет сошелся клином на единственном человеке и не расходился.

Лена написала исполненное ядовитой холодности письмо: просила забрать вещи, вернуть ключи и довольно приличную сумму, которую Леня ухитрился ей задолжать. Строго говоря, денежные счета между ними носили условный характер, но были пару раз ситуации, когда они тратили очень большие суммы на подарки или поездки, и Леня говорил: «Я тебе буду должен». И повторял неоднократно. Лена попросила вернуть деньги, написав, что иначе она будет думать, будто он жил с ней последнее время из-за денег. Только в горячечном бреду могла она выдумать такое, но болевой прием провела безупречно.

Вскоре у Лены украли очень большую сумму, самым нелепым образом, она поняла: это штраф за то, что жестоко оскорбила любимого человека в денежном вопросе. Слово имеет ма-

териальную силу. А вещи он так и не забрал и ключи так и не отдал.

Она не видела выхода из тупика, занималась с психологом, перестала рыдать каждые 15 минут. Но легче не становилось, боль уходила глубже, начинала жрать изнутри: обострилась давно забытая язва желудка, потом настал черед позвоночника. Жизнь истончалась и готова была вот-вот прерваться без малейшего повода, казалось, только толкни ее посильнее, и она просто развалится на части. Жила как зомби — и ждала, ждала, не верила очевидному. Советы не работали: забудь, не думай — как это можно сделать? Голова думает сама. Дух веет, где хочет. Все вокруг причиняло невыносимую боль, она везде перестала бывать, потому что они везде бывали вместе. Ни в кино, ни в кафе, ни в театр, ни в гости Лена ходить не могла. Дом Лени объезжала стороной за три версты.

Два года, проведенные вместе, Лена балансировала на грани вымысла и реальности, как девочка, захлеб смотрящая голливудский фильм. Она полагала, что с ней такого произойти не может, что живет во сне и однажды непременно проснется. Реальная жизнь ассоциировалась с терпением и страданием, а не с ежедневной радостью. Она поняла, что это было не кино, а реальная жизнь, только когда сеанс закончился.

Ее выручала подруга с работы, которая снимала квартиру неподалеку. Лена торчала у нее все свободное время, Маша запихивала в нее суп, слушала, слушала. У Маши в другом городе умирала от рака мама, Лена понимала, что смешна и ничтожна в своих жалобах, что Машке хуже в сто

раз, — и ничего не могла с собой поделать. Потеря Лени оказалась равносильна физической потере родного человека. Хуже и тяжелее ей было только однажды — после смерти матери.

Леня держался стойко, не сделал ни единого шага ей навстречу, хотя отвечал на редкие эсэмэски и редкие письма. Жалел.

Ревность притихла, наступила новая стадия, Лена испытывала тяжкое омерзение к самой себе. Она решила: ее разлюбили, потому что она не заслуживает любви. Тяжкий комплекс вины разыгрался с утроенной силой: она готова была перешить себе какие угодно части тела, бросить курить.

С куревом действительно попыталась завязать. Знакомый нарколог, помогавший Лене и многим ее знакомым решить проблемы с алкоголем, пообещал легкое избавление от недуга. Лена поверила — и чуть не умерла от ломки, посетившей ее впервые в жизни. На пике этой ломки она написала Лене эсэмэску: «Если мне будет совсем плохо и будет ломать до смерти, сможешь?»

Он поклялся, что все равно будет рядом, невзирая ни на что. Помощь не потребовалась, Лена поняла, что хуже ей уже не станет, и опять закурила. Смерть отступила.

После этого он согласился с ней встретиться в кафе, за пару дней до своего дня рождения. Леня освободился после тренировки и выкроил полчаса перед лекцией в академии. Лена пришла туда, шатаясь после перенесенного физического стресса от борьбы с никотиновой зависимостью. Леня был тих и молчалив. Она увидела его — и кинулась на шею. Он был сдержан, пытался расска-

зывать про свои дела и спрашивать про ее проблемы. А проблем у Лены было полно: сын потерял работу, дочка тоже оказалась не у дел, кредиты висели на шее у всех, да и от ремонта остались долги. Но Лена не хотела рассказывать ничего плохого, она смотрела на него и желала только одного: быть с ним рядом. Как угодно и кем угодно.

Леня принес ей долгожданный черный пояс из Японии — тот самый, с золотыми иероглифами, с ее именем и фамилией на японском языке. Но не сказал ничего о ее дальнейших занятиях карате. Круг-то у них был один, абсолютно общий, и оба вырубали себя из него по живому. Поэтому разговор состоял из сплошных фигур умолчания. А при этом она по привычке отхлебывала его чай, отчищала со свитера пушинки, вывалившиеся из куртки, он вытирал ей руки салфеткой... и казалось странным, что они могли вообще не видеться так долго. Словно три месяца, проведенные врозь, приснились в дурном сне.

В конце концов она взяла его под руку и позволила себе раз в жизни выдать классический любовный монолог: он единственный и неповторимый человек в ее жизни; никому и никогда она бы не простила измены, а его любовь научила ее многому; она любит его таким, какой он есть; просит прощения за причиненные обиды, пусть у нее язык отсохнет за то, что она посмела сказать про деньги; никого щедрее и благороднее в жизни она не видела.

Он начал оттаивать и на глазах превращался в прежнего Леню. И вот уже целовался с ней посреди улицы, бросив руль.

— У тебя есть какие-то обязательства, которые не позволяют нам быть вместе? — спросила она.

— Да нет у меня никаких обязательств, просто я не могу сейчас тебе ничего сказать, я не ожидал, я не готов.

Он торопился на лекцию и высапил Лену у метро. Она помахала ему

— Позвонишь? Мы увидимся?

И на этом знаке вопроса они расстались.

Потом Лена передала через Мишу и Любу для него в подарок ко дню рождения подводные часы, которые лучше нее никто бы не выбрал. Леня написал: «Спасибо. Очень тронут». Он научил ее драться и принес черный пояс — она научила его нырять и подарила часы для нырялки. Миша с Любой потирали руки и надеялись, что все наладится у этой пары, в которую они вложили так много душевных сил.

А через два дня Лена получила от него смс:

«У меня есть обязательства, которые не позволяют нам видеться. Не звони и не пиши мне. Надеюсь, ты меня поймешь. Извини».

Лена ответила «Осс!», как принято у каратистов. Одним движением руки стерла его телефоны и адреса, хотя помнила их наизусть — чтобы соблазна не было. Другим движением собрала все файлы, все фотографии, все его письма в папку *Not look* и запрятала подальше на диске. Земля снова ушла из-под ног. Теперь насовсем. Ей никто никогда не говорил такого. Все когда-то бывает в первый раз.

На следующей тренировке с мечом она впервые повязала присланный из Японии черный пояс. С золотыми иероглифами, обозначающими ее имя, фамилию и степень — 1-й дан.

Ей был нужен не сам черный пояс, а его обладатель. Миллион поясов отдала бы она за Леньку, за один его любящий взгляд. Но мы имеем только то, что мы имеем. Ей дали черный пояс. Никто не говорил, какова будет его цена. Но никто у нее его не отнимет. Это она заслужила. Клиническая отличница все же получила заветную пятерку и наконец поняла, что до ее пятерок давно никому дела нет. Она сдала второстепенный экзамен, но завалила главный. И пересдачи не предполагалось.

Украсив себя черной тряпочкой с золотыми иероглифами, она в очередной раз сходила к косметологу, но никто этого не заметил. Лица не было. Да оно ей теперь было ни к чему.

Царевна-лягушка дождалась: Иван-царевич все-таки сжег ее лягушачью кожу. Только не хотел больше ни искать ее по всему белу свету, ни жениться на ней. В сказке не было инструкции о том, как Лягушонке, абсолютно беззащитной, жить дальше без своей лягушачьей кожи.

Пытаясь вырастить шипы на ободранном тельце, Лягушонка занялась работой с редкой разновидностью окинавского оружия — длинными кинжалами-саями. Прыгала с ними в одиночестве по додзе: это действие было сродни жонглированию и абсолютно не занимало ум, зато помогало скоротать время. Сама Лена мрачно говорила Мише, что самурайское мастерство растет пропорционально самурайскому одино-

честву. И Джеки Чан достиг таких высот в единоборствах лишь потому, что женился в 50, так что у нее как раз все впереди. Она не могла ни читать, ни слушать музыку, ни смотреть фильмы — примитивные эмоции вызывали затяжной приступ отчаяния. Общаться не могла почти ни с кем.

Вела дневник, чтобы не свихнуться. Перед Новым годом случайно нашла за коробкой с елочными украшениями старый школьный портфель с бумагами. Среди прочего там были дневники, которые она вела в 11-12 лет, как многие девочки в этом возрасте. Перечитала: в трех клеенчатых тетрадках помещалась история ее первой школьной любви. Страданий там было предостаточно. Из последней тетради выпала записка — как засушенный цветок. Лена прочла ее и рассмеялась.

«Леня! Я наделала много глупостей в отношениях с тобой. Прости меня, мне бы хотелось, чтобы все стало как раньше».

И на обороте — ответ:

«Конечно, пусть все будет как раньше».

Записка была адресована объекту ее первой привязанности, а звали его, по роковому стечению обстоятельств, тоже Леной, и, к слову, даже дни рождения у предметов страсти почти совпадали. Астрологию не обманешь.

Лена поняла, что за 30 с лишним лет ни ее представления о мужчинах, ни способы общения с ними не изменились ни на йоту. Сначала она счастлива и ничего не видит в упор, кроме прекрасного принца.

Потом начинает видеть в своем принце реального человека с недостатками и проблемами.

Принц пугается, что его вот-вот разжалуют — и начинает совершать ошибки.

Тогда Лена — от эгоистического страха быть брошенной — идет в лобовую атаку и рубит наповал, как красный комиссар или упертый самурай.

А потом страдает по утерянному счастью.

Она сама — и только она сама — всю жизнь была своей главной соперницей. И виновницей одиночества, которого так страшилась. Вот результат: опять одна. «Награда нашла героя». Она выбросила и школьный дневник, и тот, что вела осенью.

А совсем перед Новым годом Лена впервые выбралась в свет: к своим товарищам-подводникам. Она оделась прилично, вызывала всеобщую женскую зависть сброшенными килограммами и пыталась сдержанно реагировать на вопрос: что же ты без Лени пришла?

Друзья показывали смонтированные наконечники фильмы о нырялках этого года. Спортивное ТВ постоянно снимало передачи об этой школе фридайвинга, в прошлом марте на Белое море увязалось с ними Би-би-си. На первом же диске в первых же кадрах Лена увидела себя и Леньку, в обнимку несущихся в санном поезде за «Бураном» по ослепительно-белому заливу. В ярких куртках, вплотную прижавшихся друг к другу. Она ныряет, а Леня поправляет ей маску. Леня пилит лед, а она высовывает нос из пуховика. Голливудский сюжет реализовался на экране.

Лена смотрела настоящий фильм — и жгучая боль складывала ее пополам. Внутри стремительно переплетались надорванные сухожилия, срастались сосуды, по ним начинала пуль-

сировать кровь, все сильнее и сильнее, — прирастали обратно надорванные половинки души. Нельзя отдать то, что живет внутри тебя. Это было. И это есть. Любовь принадлежит им двоим и будет жить, пока живы оба. Она сдержит клятву: она никому его не отдаст!

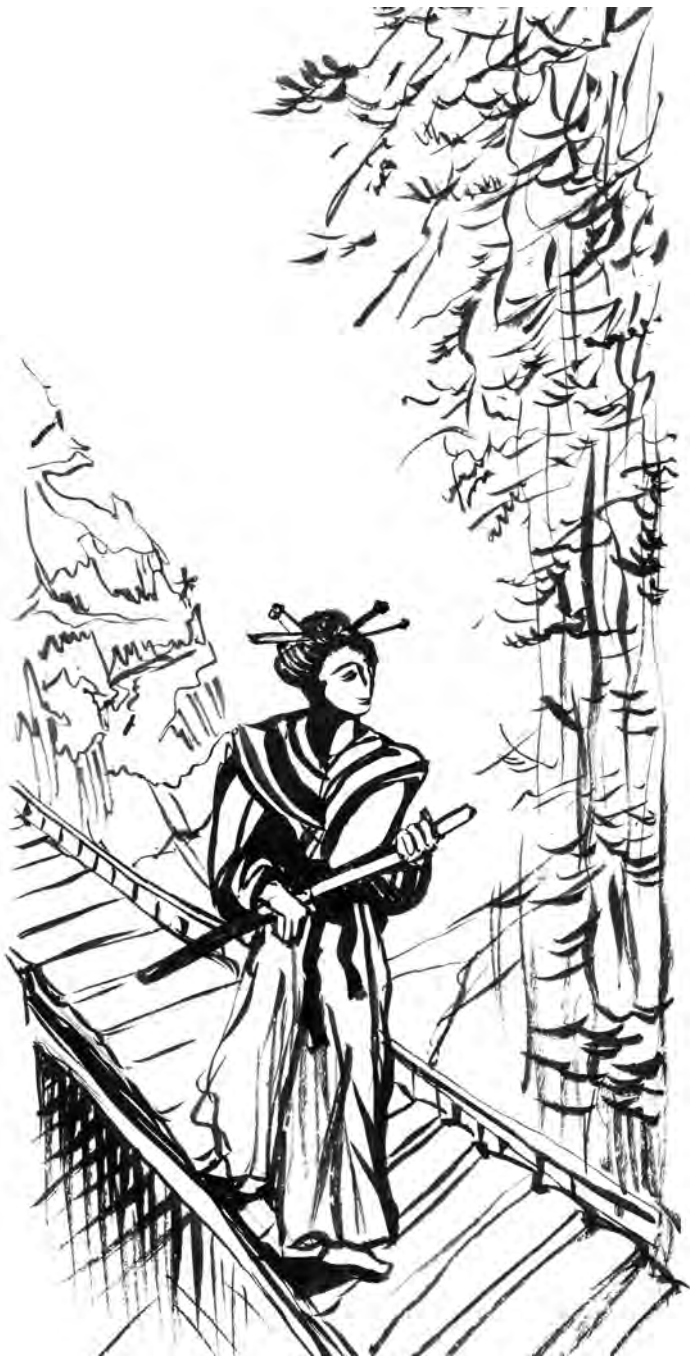
Восточные мудрецы говорят: у человека нельзя отнять две вещи — то, что он съел, и то, что он видел. Но нельзя отнять и третье, главное: любовь. Потому что любовь живет в нас самих.

Каждый голливудский шедевр имеет продолжение. «Смертельное оружие-1», «Смертельное оружие-2»... Любовь — воистину смертельное оружие, особенно в руках настоящих бойцов. Но сейчас мы оставим наших героев:

Лену с черным поясом, которая просила об одном, а получила в результате другое,
и Леню, который просил одно, а получил то, что получил.

Потому что они оба просили любви, мечтали любить и быть любимыми. И любили и были любимы. Мы оставим их в этом кадре, они еще не знают о том, что их ждет в следующем. Оставим и пожелаем любви и счастья. Они имеют на это право. Буддистские монахи зря не завязывают ниточки. Ниточки эти никто не развяжет, потому что завязывают их на самом деле совсем не здесь.

Существует определенный набор испытаний, который должен пройти каждый человек, и испытание любовью непременно входит в их число. Как кумите в экзамене на 1-й дан. Но 1-й дан — это всего лишь первая мастерская степень. А настоящий путь самурая только начинается.

*Паутинки в вышине.
Снова образ Будды вижу
На подножии пустом.*

БАСЁ

道

— «ПУТЬ»

Галина Дицман (Галина Дианова©)
ЧЕРНЫЙ ПОЯС

РЕДАКТОР И. Степачева-Бохенек
КОРРЕКТОР Е. Вилкова
ИЛЛЮСТРАЦИИ,
МАКЕТ, ВЕРСТКА Г. Дицман©

Формат А5,
бумага офсетная,
печать трафаретная

Отпечатано в типографии "Группа МФЦ"
с готового оригинал-макета,
заказ №43

105023, Москва, ул. Буженинова, д. 30
(495) 963-55-81

Москва 2009